

Селиванов Алексей Иванович, (псевдоним А.С.) (14.07.1829, город Воронеж - 24.11.1865, город Воронеж), историк, этнограф, драматург. Родился в Воронеже и принадлежал к старинной купеческой фамилии этого города.

Учился в Воронежской губернской гимназии. Заведующий книжным магазином Н.В. Гарденина.

Некоторое время занимался торговыми делами, но это было ему не по душе, так как все наклонности влекли его к литературе. Будучи по природе даровитым, но не обладая достаточным образованием, или по другим каким причинам, С. не успел выйти на настоящую дорогу. Он был весьма полезным и деятельным сотрудником "Воронежских Губ. Ведомостей" и "Воронежского Листка", где он помещал статьи по этнографии Воронежской губернии. С. обладал основательными знаниями по местной этнографии и ревностно изучал старинные акты, юридические и исторические памятники XVII и XVIII вв. За эти труды Воронежский Статистический Комитет избрал его в действительные свои члены. Кроме того он был горячий библиоман и отличный знаток книжного дела, которое изучил, управляя книжным магазином Гарденина. С открытием Воронежской публичной библиотеки (1863 г.), комитет, устроивший ее, пригласил С. занять в ней место библиотекаря. Сотрудник Воронежской публичной библиотеки (с 1864 года). Член Воронежского губернского статистического комитета (1864). Как библиотекарь, С. пользовался широкой популярностью и всеобщим расположением. Он был образцовый библиотекарь, и Воронежская публичная библиотека своим благоустройством в первые годы своего существования в значительной степени обязана ему. Умер он еще молодым человеком, не более 30 лет, в конце ноября 1865 г.

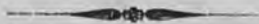
"Воронежский Листок", 1865 г., № 85 (некролог, сост. Де Пуле). — "Русский Архив", 1867 г., с. 976 (Полунин, "Сведения о русских писателях, умерших в 1865 г."). — Межов, "Указатель к истории русской словесности", с. 281. Автор комедии «Олекул» (Пантеон, 1855, № 7), драмы «От добра добра не ищут» и комедии «Компания» (не опубликована).

Автор статьи «Очерки поверий, обрядов, примет и гаданий в Воронежской губернии» (Воронежский литературный сборник, Воронеж, 1861). «Этнографические очерки Воронежской губернии» (Воронежские губернские ведомости, 1864, № 1, 11, 16, 27) перепечатаны во 2-м томе сборника в память 300-летия Воронежа (1886). Подготовил публикацию документов «Материалы для истории Воронежской губернии» (Воронежские губернские ведомости, 1864, № 42, 43, 46, 50; отдельное издание: Воронеж, 1864), напечатал «Описание гравюр времен Петра Великого, находящихся в Воронежской публичной библиотеке» (Воронежские губернские ведомости, 1864, № 34-38).

О П Е К У Н Ъ .

КОМЕДИЯ

АЛЕКСѢЯ СЕЛИВАНОВА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЕДОРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПАТОКИНЪ, купецъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, жена его.

НАСТЕНЬКА, богатая сирота, племянница ихъ, подъ опекой Патокина.

ВАСИЛІЙ МАТВѢИЧЪ ВЛАСЬЕВЪ, купецъ.

АНТОНЪ МАТВѢИЧЪ ВЛАСЬЕВЪ.

МИТЯ, сынъ его.

АРДАМІОНЪ АЛЕКСѢИЧЪ ЛАПКИНЪ.

ПЕТРУША, сынъ его.

МАТРЕНА ИВАНОВНА, старая дѣва.

АННА ФЕДОРОВНА, пожилая вдова.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА, молодая купчиха.

КАТЕНЬКА, сестра ея.

ВАСЯ, прикащикъ и дальній родственникъ Патокина.

НИКАНОРЪ СИЛЫЧЪ ПАШНЕВЪ, пріѣзжій купецъ.

ЯКОВЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, его знакомый.

САВИЩНА, нѣчто въ родѣ свахи.

ФЕДОСЬЯ, старая горничная Патокиныхъ.

1

2

3

4

дѣвушки.

Родственники Патокина

и Настеньки.

Дѣйствіе въ уѣздомъ городѣ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая комната; кругомъ нѣсколько простыхъ стульевъ, два стола; на одномъ изъ нихъ лежатъ бумаги и записныя книги; на правой сторонѣ окно, на лѣвой и посрединѣ двери.

1.

ПАТОКИНЪ и ВАСЯ выходятъ изъ разныхъ дверей.

ПАТОКИНЪ. Ты опять здѣсь?

ВАСЯ. Я... я... дядинька, значить, за счетами пришелъ, давеча счета забылъ.

ПАТОКИНЪ. Ты что-то больно часто сталъ шмыгать изъ лавки: то счета забудешь, то еще что-нибудь; — да вѣдь меня не проведешь; я вижу, что тебя сюда тянетъ!

ВАСЯ. Въ дурномъ, кажется, заподозрить нельзя-съ; кромѣ моего усердія къ вамъ, какими ни на есть художествами не занимаемся.

ПАТОКИНЪ. Не про художества рѣчь, а про то, зачѣмъ ты съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ суешься?

ВАСЯ. Признаться, дядинька, я не соображу, о чемъ вы говорить изволите.

ПАТОКИНЪ. Не сообразишь! Экой Акимъ-простота, подумаешь, а самъ, чай, ужъ давно смекнулъ, въ чемъ дѣло! Только я тебѣ, братъ, напрямикъ скажу: не по капиталу хватать хочешь, будетъ слишкомъ жирно для тебя.

ВАСЯ. Право слово-съ, дядинька, не знаю, значить, о чемъ ваша рѣчь!

ПАТОКИНЪ. О Настъ, слышишь что-ли? о Настъ! Развъ я не вижу, что ты за ней ударяешь: какъ ни перевернешься, ты всегда здѣсь торчишь.

ВАСЯ. Напрасно вы, дядинька, значить, обижать изволите; я никогда не подавалъ повода такъ о себѣ думать. Если-же случилось поговорить съ Настасьей Васильевной, то—провалится на этомъ мѣстѣ—безъ всякихъ видовъ; значить, по родству и больше ничего-съ.

ПАТОКИНЪ. По родству! Какъ-же! Какой-ты ей родственникъ? Десятая вода на кисель. Чай разгорѣлись глаза на ея деньги?

ВАСЯ. Чего-же имъ разгораться? Я знаю-съ, вы за меня не отдадите Настасью Васильевну.

ПАТОКИНЪ. Тонкая ты, братъ, штука, а меня не перехитрить, я тебя насквозь вижу; ты давно забилъ въ свою пустую башку эту гнилую фантазію.

ВАСЯ. Почему вы это изволите заключать-съ?

ПАТОКИНЪ. За чѣмъ ты отказался жениться на дочери Мавры Ильинишны?

ВАСЯ. Значить, еще молодъ-съ, подождать могу; притомъ-же невѣста, значить, особеннаго интереса не представляетъ.

ПАТОКИНЪ. А тебѣ какого хочется интереса? Въ тебѣ-то что есть особеннаго? Шижгаль голландская, и больше ничего!

ВАСЯ. Безвинно вы, дядинька, ругаться изволите-съ. Всякой, значить, хлопочетъ о своей пользѣ и желаетъ себѣ лучшаго, почему-же мнѣ не думать, что я могу найти невѣсту покани-тальнѣе? Вотъ-съ, къ примѣру сказать, вы, вы тоже сначала, значить, были...

ПАТОКИНЪ. Я? Ха, ха, ха! Далеко, братъ, куцому до зайца. Такихъ, какъ я, немного! Экъ куда хватилъ!

ВАСЯ. Вы, дядинька, тоже, значить, изъ простаго происхожденія-съ...

ПАТОКИНЪ. Однако, полно разсуждать. Ступай въ лавку, да смотри у меня, носъ-то сюда нечасто высовывай, а то я шутить не стану, какъ разъ встрепку задамъ.

ВАСЯ. Позвольте-съ счеты!

ПАТОКИНЪ. Берн, да убирайся! *(Вася беретъ счеты и уходитъ).*

II.

ПАТОКИНЪ (одинокъ). Всякая шваль, шишимора лезетъ на одну доску со мною, а того не понимаетъ, что для этого нужна го-

лова! Нажить деньги, сдѣлаться извѣстнымъ и образованнымъ человѣкомъ нелегко и невсякой съумѣетъ, на это съ измальства должна быть особенная сноровка. Я вотъ зачалъ съ дегтю. Положимъ, деготь вещь не галантерейная, и, такъ-сказать, низкая, да отъ него я тысячи нажилъ, а на нихъ такія дѣла раздѣлывалъ, что уму непостижимо. А до меня въ нашемъ городѣ много было торговцевъ по этой части. Отчего-же они не пошли въ гору? Значить оттого, что не тотъ умъ, не то знаніе коммерціи. А этотъ пострѣль Васька лезетъ за мною, надѣется быть такимъ-же, какъ я! Нѣтъ, братъ, погоди. Ты хоть и пройда, да вѣдь и я изъ тѣхъ, что мышки рвутъ; я сквозь пальцы не смотрю и обмошенничать себя не дамъ; около насъ не пообѣдаешь; то есть, вотъ какъ: тончайшую шельму проведу и выведу, обувшись въ ротъ влезу, а съ такимъ, какъ ты, и разговаривать не буду, съ разу въ бараній рогъ сверну. Туда-же подъ Настю цѣлить! Да врешь, какъ ни гни, какъ ни приснащивайся, а твое дѣло не выгоритъ! Я вѣдь кой-что понимаю. Ты глядишь юродивымъ, притворяешься такимъ сахарнымъ, потому-что въ хомутъ; а дай-ко тебѣ волю, ослабь возжи, такъ чего добраго, первымъ долгомъ поставишь нагадить въ знакъ благодарности. Дѣла-то по имѣнію, чай, всѣ извѣстны. Нѣтъ, Васька, не видать тебѣ Насти, какъ ушей своихъ. *(Молчаніе)*. Шельма, знаешь, что я на его руку не потяну, такъ онъ помню меня самъ командуетъ; юлой юлить около дѣвки, на разныхъ прибауткахъ передъ ней выхвать хотеть; да дѣвка-то попалась не изъ тѣхъ, ее вязаннымъ рыломъ, да мужицкимъ запахомъ не удивишь, она хоть и съ бусарью, а въ барство хотеть втереться, нашего брата неслишкомъ жалуетъ, не иначе величаетъ, какъ курпякамн. Ей подавай человѣка нынѣшняго, что называется полированнаго, изъ кургузыхъ; не бѣда, если у него въ одномъ карманѣ пусто, а въ другомъ нѣтъ ничего, лишь-бы по фигурѣ смотрѣлъ баринкомъ. Вотъ такой ей понравится, да и мнѣ будетъ съ руки; по-крайней-мѣрѣ, я знаю, что въ убыткахъ не останусь, а за всѣ труды и заботливость, около такого франта поживусь кой-чемъ. Вотъ оно дѣло-то какого выходитъ рода!

III.

ПАТОКИНЪ, А. ВЛАСЬЕВЪ и ЛАПКИНЪ.

Лапкииъ. Миръ вамъ и мы къ вамъ!

Патокинъ: Милости просимъ.

А. Власьевъ. Все-ли себѣ въ добромъ здоровьѣ-сѣ? Какъ поживаете-сѣ?

Патокинъ. Слава тебѣ Господи, живемъ по немногу. А ваша супруга?

А. Власьевъ. Живетъ, слава Богу-сѣ.

Ладкинъ. А моя такъ просто никуда не годится! Зубы ни на минуту покою не даютъ. Охаетъ, стонетъ, хоть вонь изъ дому бьги; а вѣдь сама виновата: вздумала боспкомъ по комнатамъ пройти. Ужъ я подлекаря приводилъ.

А. Власьевъ. Я вамъ доложу-сѣ, эти лекаря ничего не знаютъ-сѣ.

Ладкинъ. Подлинно ничего не знаютъ, хоть-бы каплю помогъ ей; даль на зубъ класть какой-то дряни; какъ положила, такъ замулило на душъ, что она сейчасъ-же выплюнула.

А. Власьевъ. А вы вотъ что-сѣ: пошлите на Щегловку, тамъ живетъ отставной солдатъ, Михенчъ, — онъ, я знаю-сѣ, сдѣлаетъ помощь вашей супругѣ; лечитъ хорошо-сѣ, да-сѣ, очень хорошо лечитъ. Я однажды, не помню право-сѣ, на какой-то праздникъ разгавливался, такъ что-то сдѣлалось не по себѣ, и жженіе какое-то, и такъ-же, какъ вотъ вы изволите говорить, на душъ замулило; онъ мнѣ воду наговаривалъ, и такъ потрафилъ, что въ нѣсколько дней всю боль какъ рукой сняло.

Ладкинъ. Это надо послать. Вы говорите, его Михенчемъ зовутъ?

А. Власьевъ. Да-сѣ. Вы прикажите спросить: гдѣ, молъ, здѣсь живетъ Михенчъ, что лечитъ? Вамъ сейчасъ-же покажутъ; его все знаютъ-сѣ; маленькій ребенокъ укажетъ его домъ.

Патокинъ. Я такъ съ роду не лечился и лекарей знать не знаю. Если-же случится когда разнемочься, сходишь въ баню, натрешь-ся стручкомъ, куда и бользнь двается.

Ладкинъ. Это отъ простуды хорошо, я самъ испыталъ. (*Молчаніе*).

А. Власьевъ. Ну-сѣ, каково поторговываете?

Патокинъ. Не похвастаюсь, тихо идеть!

А. Власьевъ. Торговлей никто не хвалится; я вотъ-сѣ заходилъ въ ряды и спрашивалъ кой у кого изъ бакалейныхъ торговцевъ; жалуются, сильно жалуются.

Ладкинъ. Правды-то нынче никто не скажетъ. Иной тысячи выручаетъ, а все плачется.

А. Власьевъ. Нѣтъ-сѣ, оно, если разсудить, въ-самомъ-дѣль торговля измѣняется. Я вамъ доложу-сѣ, такихъ торговцевъ,

какъ въ прежнее время бывало, ужь нѣтъ-съ. Нынче торговлю за дѣло не считаютъ-съ. Молодежи-то нашей, такъ-сказать, торговать не съ руки-съ; дѣла сочли за лучшее бросить на чужія руки, полагаются во всемъ на прикащиковъ.

Патокинъ. Ну да не все-же; я вотъ вездѣ самъ орудую.

А. Власьевъ. А много-ли такихъ, какъ вы-съ? Вы, такъ-сказать, нашъ старый, транзитный кунецъ. Притомъ-же я говорю про молодыхъ-съ. Вотъ къ примѣру взять Коркиныхъ: у нихъ при старикѣ отцѣ дѣла шли хорошо-съ, а умеръ онъ, стали заниматься молодые, не то и вышло-съ. Они все дѣла препоручили прикащику, самимъ-то заниматься некогда было. Что-жъ вы думаете? Бестія прикащикъ воспользовался случаемъ, запустилъ лапу слишкомъ глубоко. И какую-же тонкую механику подвелъ! Прикинулся такимъ безсребренникомъ, а тенерь свой магазинъ открылъ. Хозяева-то думали, что такой смѣрный человекъ не рѣшится взять на свою душу тяжкаго грѣха и не потянетъ изъ ихъ кармана, а вышло не то! Вотъ у насъ какіе торговцы, отъ этого и торговля падаетъ!

Лавкинъ. Нѣтъ, погоди, ты не то говоришь. Отъ этого торговля не упадетъ; упадутъ двѣ, три лавки и только, а торговля не упадетъ. Вѣдь не у всехъ такіе мошенники прикащики и не все такіе олухи, какъ Коркины; главная или большая часть торговли все-таки остается въ рукахъ самихъ хозяевъ. А что стали торговать плохо, такъ это оттого, что много торгашей развелось. Куда ни глянешь, почитай на каждой улицѣ, на каждомъ переулкѣ лавка или магазинъ. Товары-то все стараются продавать другъ передъ другомъ дешевле, разумется и товаръ стали держать похуже; отъ такихъ-то фокусовъ и потеряли доверіе покупателей. А главная штука, которая губитъ нашихъ торговцевъ—это долги! Они сильно ихъ довѣживаютъ, отъ нихъ-то такъ часто въ трубу и выпархиваютъ. Иной, чтобы поддержать торговлю и отбить покупателей у другаго, весь распустился, всякому встрѣчному дастъ товаръ въ долгъ; а послѣ сунется получать, то вмѣсто денегъ, да благодарности, отовсюду его но шеямъ провожаютъ. Вотъ отъ чего торговля стала. А молодежь ничего, у насъ много торговцевъ прекрасныхъ. Вотъ хоть-бы Щучкины—настоящіе купцы, Лапины, Донцевы тоже хоть куда! А мои дѣти чѣмъ нехороши? Торгуютъ ловко, обязанностей своихъ не забываютъ; отъ такихъ торговля не зашатается. Ес-

ли-же есть какіе завалыціе, вотъ какъ Коркины, то объ нихъ говорить не стоитъ, пхъ въ нашемъ городѣ, по счастью, немного.

Патокинъ. Я съ тобой несогласенъ. Эта статья не такого рода. Торговли нѣтъ оттого, что весь слишкомъ высоко нось деруть. Всякая дрянъ, если ему пришлось обзавестись кой-какимъ заведеніемъ, мечтаетъ о себѣ, что онъ равенъ съ фундаментальными купцами. Иной выкарабкается изъ прикащиковъ, откроетъ лавченку, въ которой, глядишь, товару-то своего на два алтына съ тряпницей; а поскорѣ слышитъ снотовую шубу напялить, пролетками обзавестись, начинаетъ жить не по капиталу, бражничаетъ каждый день съ пріятелями; а спустя годикъ, али два, и кончитъ тѣмъ, что у него отъ лавки аршинъ да ножницы останутся. А про молодежь ты, братъ, не говори, она изъ рукъ вонъ какая скверная; къ старикамъ у ней нѣтъ никакого уваженія: когда придется пройти мимо, шапки не сниметъ; а все оттого, что отцы ихъ вздумали за барамы тянуться, стали разучивать возлюбленныхъ дѣтокъ по разнымъ заведеніямъ. Они, дурачье, не понимаютъ, что можно быть образованнымъ и безъ науки. Я, вотъ примѣрно, дегтемъ торгую, въ заведеніяхъ не учился, а отчего образованъ? А? Оттого, что каждую копейку трудомъ добывалъ! Вотъ оно дѣло-то въ чемъ, такъ-то-съ!

А. Власьевъ. Совершенно справедливо изволите говорить-съ.

Липкинъ. Я объ этомъ нѣсколько разъ рассуждалъ, и какъ мнѣ кажется, всегда отцы виноваты въ томъ, что дѣти выходятъ ледяціе.

А. Власьевъ. Позвольте узнать, чѣмъ-же отцы виноваты-съ?

Липкинъ. А вотъ чѣмъ: во-первыхъ, не умѣютъ обращаться съ дѣтьми; дѣтей надобно съ измальства пріучать, чтобы они боялись взгляда отцовскаго, стараться внушить имъ одно нужное, полезное. Если онъ сдѣлаетъ маленькую шалость, бей его, сдѣлаетъ большую, пори его. Послѣ всего этого онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ. Вотъ я про своихъ скажу, я ихъ держу въ аккуратъ, и ужъ могу похвастаться, воспитаны они у меня такъ, что лучше быть не надобно. Я тамъ не по ученому ихъ воспитывалъ, а по своему, соображаясь съ своимъ умомъ.

А. Власьевъ. Они у васъ какимъ-же наукамъ учились?

Липкинъ. Дьячекъ выучилъ читать по толкамъ, писать, считать на счетахъ, и баста!

А. Власьевъ. Это прекрасно-съ, Я своихъ тоже многому не

научаюсь-съ. Отдалъ ихъ къ унтеръ-офицеру-съ; отлично учить! Старшій-то сынокъ ужъ ему помогаетъ другихъ учить; за это я плачу за него дешевле-съ.

Патокинъ. Военному отдавать лучше, баловаться меньше будутъ; у того расправа коротка: такъ вздуеть, что съ недѣлю надо заглядывать!

А. Власьевъ. Оно конечно! А все безъ баловства нельзя; сами посудите,—дѣти. Вотъ недавно-съ мой сынокъ вздумалъ пошालить: замѣтилъ, куда учитель кладетъ деньги, и унесъ у него два съ полтиной. Что-жъ вы думаете? Въдь онъ ихъ не истратилъ на пустяки, а пошелъ въ лавку и купилъ себѣ картузъ. Когда учитель пожаловался мнѣ, мы много съ женой этому смѣялись. Дѣтскія шалости!

Патокинъ. Ха, ха, ха! Онъ у тебя хозяинъ будетъ!

А. Власьевъ. Да-съ, мальчикъ смышленный!

Ладкинъ. А какихъ лѣтъ?

А. Власьевъ. Съ Покрова пятнадцатый пошелъ; ужъ и въ лавку скоро посажу.

Патокинъ. Ну, подожди, лѣта еще небольшія.

А. Власьевъ. Почитай ребенокъ-съ. (*Молчаніе*). Федоръ Степановичъ! Что-же за Настеньку послѣ Ефимова были женихи-съ? Сватался еще кто-нибудь-съ?

Патокинъ. Были, да все не подѣ статью. Съ ея капиталомъ надо выждать хорошаго!

А. Власьевъ. Кто-же такіе-съ?

Патокинъ. Да вотъ Чернова старшій сынъ сватался. Вы его знаете?

А. Власьевъ. Что-то не помню-съ!

Патокинъ. Алеша линючій, волосы на головѣ всѣ повылезли, а носъ красный, съ луковку. Вы его, должно-быть, видали, да запомнили. Ну какой это женихъ? Я и толковаться съ нимъ не сталъ, съ перваго-же раза отказалъ—неподходящая линія!

Ладкинъ. Вишь куда лезетъ! Искаль-бы себѣ ровню!

Патокинъ. А то еще Четкинъ сватался. Этому тоже отказалъ, не понравился: похожъ на какого-то комедіанта, съ усами, голова пуклатая, корчитъ изъ себя барина, въ каретѣ развѣзжастъ; а это вещь ненадежная: значитъ скоро профинтится. Больше жениховъ не было.

А. Власьевъ. А я слышалъ стороной, поговаривали-съ, будто Камышевъ дѣлалъ предложеніе? Это, должно-быть, совралп-съ?

ПАТОКИНЪ. Камышевъ хотѣлъ только, а не сватался.

А. Власьевъ. Тотое-сь! Я думаю, еслибы посватался, вы-бы намъ объ этомъ дали знать; вѣдь мы не чужіе, тоже родственниками ей приходимся.

ПАТОКИНЪ. Нѣтъ, онъ не сватался!

А. Власьевъ. Сказали, будто у васъ съ нимъ на счетъ опеки вышло что-то такое!

ПАТОКИНЪ. А что у меня на счетъ опеки? Я хоть сейчасъ готовъ сдать ее! Это все бабы хвосты вяжутъ, отъ нихъ эти сорочки вѣсти!

А. Власьевъ. Признаться, не помню хорошенько, гдѣ это пришлось мнѣ слышать-сь; говорили, что вы боптесь какихъ-то привязокъ со стороны Камышева. Кажется, такъ-сь!

ПАТОКИНЪ. Мнѣ все-равно за кого Настю ни отдать, я никого не боюсь; ея имѣніе все цѣло. А если я Камышеву отказалъ, то это по моему усердствію къ ней, не хочу, чтобы она послѣ на меня плакалась.

А. Власьевъ. Онъ что-же, нехорошъ? то-есть, ненадеженъ?

ПАТОКИНЪ. Какой чортъ на него понадеется! Я разузнавалъ, оказалось онъ шельма такая, что не роди мать сырая земля! Притомъ-же, у него есть какая-то сударка. Ну можно-ли за такого отдать?

А. Власьевъ. Это нехорошо-сь. Такъ вы, значитъ, не безъ причины отказали ему? Вотъ подите-жь! А люди толкуютъ въ другую сторону.

ПАТОКИНЪ. Отчего? Оттого, что я добрыя дѣла свои не рассказываю, а дѣлаю потихоньку. Такъ-то.

ПАТОКИНЪ. Ну, полно толковать. Мало-ли что люди болтають всего не переслушаешь.

ПАТОКИНЪ. Вѣдь обидно. Тутъ дѣлаешь, такъ-сказать къ примѣру, благотвореніе, а они пакости сочиняють.

А. Власьевъ. Это всегда такъ-сь. А вы плюньте, да не слушайте. Кто васъ знаетъ, тотъ не станетъ думать о васъ худо-го, и не скажетъ, что вы отказываете хорошимъ женихамъ для своей пользы.

ПАТОКИНЪ. Я человекъ такой, скорѣе свое упушу; или нѣтъ, своего не упушу, да и чужаго брать не стану.

А. Власьевъ. Можетъ-быть, все это Камышевъ самъ выдумалъ! Стыдно стало, что забраковали, онъ и давай сочинять: дескать, потому и отказалъ, что испугался меня, знаетъ, что я не спуг-

щу и потребую отчета въ жепинномъ имѣнїи, не дамъ ни копеечки попользоваться.

ПАТОКИНЪ. Да, именно, это онъ самъ выдумалъ, ужъ такой подлый чловѣкъ, я его давно знаю: пьяница, мотыга.

А. Власевъ. Позвольте-съ, онъ, кажется, ничего не пьетъ-съ?

ПАТОКИНЪ. Это я такъ къ примѣру говорю, а можетъ-быть, и пьетъ, чортъ его знаетъ!

А. Власевъ (*съ усмѣшкой*). Признаться сказать, опека вещь трудная-съ, пользы петь никакой, а хлопотъ много! Федоръ Степановичъ, такъ-ли я говорю или петь-съ?

ПАТОКИНЪ. Известное дѣло такъ, хлопотъ много; я, выходить, только по родству взялъ на себя эту обузу! (*Молчаніе*).

А. Власевъ. Ардаліонъ Алексѣичъ! однако мы съ вами за- сидѣлись, время идти-съ.

ЛАПКИНЪ. Пойдемъ!

ПАТОКИНЪ. Куда вы спѣшите?

А. Власевъ. Пора-съ. Хотѣлось еще въ ряды зайти, побалакать кой съ кѣмъ. Мы къ вамъ завернули на минутку, узнать, каково поживаете-съ, да признаться, желательно было погово- рить про Камышева. Просимъ прощенія-съ.

ПАТОКИНЪ. Будьте здоровы, супругъ наше почтеніе.

А. Власевъ и Лапкинъ. Покорнѣйше благодаримъ-съ. Къ намъ милости просимъ (*Уходятъ*).

IV.

ПАТОКИНЪ одинъ, нѣсколько минутъ ходитъ молча.

Вишь куда мѣтять! Тонкая штука! Все съ подковырками! Жаль только, что не на того навхалъ, сами сдачи дадимъ. Отъ кого-бы это онъ узналъ про Камышева? Развѣ въ правду тотъ рассказалъ? Нѣтъ, не можетъ быть! Этотъ бестія Антошка вѣчно все пронюхаетъ; тутъ только что-нибудь приладишь, ему ужъ и известно. Вишь подпустилъ какую штуку! (*Дразнитъ Власева*). «Слышалъ стороной, разошлось что-то за имѣніемъ.» Голова, нечего сказать, голова! Знать завидно стало, что не ему придется попользоваться около имѣнїи Насти. Нѣтъ, братъ, ты хоть и сладко говоришь, а мы тебя знаемъ! Мошенникъ первѣйшаго сорта и больше ничего! Съ ближняго готовъ послѣднюю рубаху стащить. И отецъ-то, говорятъ, такой-же выжпга былъ, и жена... Да что говорить, весь родъ схищный! (*Молчаніе*). Од-

нако надо этимъ дѣломъ позаняться, а то чего добраго, отъ этой швали всего ожидать можно, какъ разъ встрянуть въ дѣла, принцутъ жениха по своему вкусу, и я останусь не при чемъ. Въ особенности этотъ прощельга Антонъ, съ радостью готовъ кому угодно и какую хочешь подлость подпустить. (*Задумывается*). Какъ нарочно, нѣтъ никого на примѣть поподходящей; попадаются все такіе женихи, которые наровятъ, сверхъ Настенькиныя, съ меня еще слупить. Бѣда да и только!

V.

ПАТОКНИНЪ и НАСТЕНЬКА.

Настенька. Дядинька, я хочу вхатъ кататься.

Патокнинъ. Не на чѣмъ, матушка; мнѣ по дѣламъ нужно вхатъ.

Настенька. Вотъ прекрасно! Для вашихъ дѣлъ я должна лишать себя удовольствія.

Патокнинъ. Ну что-жъ за бѣда, если денекъ посидишь дома.

Настенька. Что? Сидѣть дома? Этого не будетъ! Вы можете отправиться пѣшкомъ.

Патокнинъ. Нельзя. Нужно вхатъ къ важному лицу, къ высокой особѣ.

Настенька. Я думаю, для этой высокой особы все-равно, приѣдете-ли вы или придете пѣшкомъ; дальше передней не пустятъ! Это ни на что непохоже. Засадилъ въ четырехъ стѣнахъ и держать словно въ каторгѣ. Мнѣ только и развлеченія кататься, а вы и этого лишасте. Вамъ, знать, хочется, чтобы я задохнулась въ этой душной комнатѣ! Вы убить меня хотите!

Патокнинъ. Господь съ тобою, что ты это говоришь, Настенька! Ужъ я-ли не стараюсь угодить тебѣ, такъ-сказать, удовлетворить тебя!.. Одинъ Господь Всевышній видятъ мое сердце, а ты не хочешь даже чувствовать моего усердія. Ну, я пойду пѣшкомъ, повзжай себя, катайся, если хочешь, для тебя я готовъ на все. (*Всторону*). Вотъ подлющая дѣвка, такъ и рветъ носъ; стой, дай только съ рукъ тебя свалить, ужъ я-жъ те отплачу, каторжная!

Настенька. Можете вхатъ, я не хочу кататься, не хочу мѣшать вашимъ дѣламъ, чтобы послѣ не было упрековъ, что я зла, капризна! Боже мой, Боже мой! заставляють каждый день умирать отъ скуки!

ПАТОКИНЪ. Ну, поди къ тетенькѣ, поговори съ ней, вотъ и скука пройдетъ!

НАСТЕНЬКА. Нечего сказать, пріятная бесѣда.

ПАТОКИНЪ. Ну, музыку найми для своего удовольствія, органищика позови, да позабавься.

НАСТЕНЬКА. Подите прочь съ своимъ органищикомъ!.. Ну что-жъ вы стоите? Вы хотѣли вѣхать! Ступайте!

ПАТОКИНЪ. Сейчасъ, матушка, сейчасъ! (*Всторону*). Я знаю, что тебя раскатываться-то тянетъ; ты тамъ около какого-то приказнаго расфрантериваешь, шуры-муры да разныя шашни съ нимъ заводпшь. Что добраго, съ дуру втюрился въ эту голь перекатную, вотъ-те и каверза будетъ. Только свяжись, сейчасъ-же подъ судъ упечеть.

НАСТЕНЬКА. Поѣдите-ли вы пли нѣтъ?

ПАТОКИНЪ. Какъ-же, поѣду, поѣду. (*Всторону*). Тфу, ты дура набитая! (*Уходитъ*).

VI.

НАСТЕНЬКА одна.

Боже мой! за что я попала въ это общество? Неучи, грубіяны на каждомъ шагу, нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ можно усладительно поговорить; только и слышишь съ утра до ночи шумъ, брань, да глупые разговоры. Очень нужно было паленькѣ съ маменькой умирать; будь они живы, я не мучилась-бы такъ, не попала-бы къ этому дуралею дядюшкѣ. Съ моими понятіями, съ моимъ образованіемъ я, кажется, недолго проживу здѣсь. (*Сквозь слезы*). Умру, не узнавши жизни. (*Плачетъ*). Я уже чувствую сильную боль въ груди; знать скоро, скоро придется лечь въ сырую могилу. А все эти изверги причиною! Хоть-бы выдти замужъ поскорѣе, все-бы лучше было. Только я ни за что не пойду за того, кто нравится моимъ милымъ родственникамъ; я знаю, у нихъ не дрогнетъ сердце отдать меня за такого-же героя, какъ они сами. Нечего сказать, весело будетъ попасть изъ огня да въ полямя. (*Вздыхаетъ*). Боже мой! несчастный меня, кажется въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ! Ужъ чего только я не перенесла, какихъ мученій не испытала, какъ это я еще жива до-сихъ-поръ... (*Задумывается*).

VII.

НАСТЕНЬКА и ВАСЯ выглядывает из дверей.

ВАСЯ. Настасья Васильевна одна! дядюшки, значить, нѣту-ти.
(Тихо входит и кланяется).

НАСТЕНЬКА. Ахъ! Кто здѣсь?

ВАСЯ. Это я-съ!

НАСТЕНЬКА. Вы вѣчно съ шутками. Испугали на смерть.

ВАСЯ. Если испугалъ-съ, то право ненарокомъ, значить, и на умъ этакого дѣла не было-съ!

НАСТЕНЬКА. Вамъ кого надобно? Дядю? Его нѣтъ, онъ со двора уехалъ.

ВАСЯ. Очень мнѣ нуженъ, хоть-бы вѣкъ съ нимъ не видать-ся. Признаться сказать, мнѣ его ругательства надобно слушать-ся. Я, значить, пришелъ по своему дѣлу.

НАСТЕНЬКА. А!.. (Подходитъ къ окну).

ВАСЯ. Я, значить, хотѣлъ-бы свое дѣло въ исполненіе произвести, а дядю намъ не надобно-съ. Оно дѣло такого рода, хоша и находится подъ сумленіемъ, но если съ вашей стороны, значить, вамъ-съ не будетъ противно, то можно считать его окончательнымъ.

НАСТЕНЬКА. Что вы за чепуху городите?

ВАСЯ. Настоящее дѣло говорю-съ. Я уже давно хочу эту штуку пустить въ ходъ, да, признаться, случая не было. Оно, конечно, если разсудить съ одной стороны, то значить, дерзостно, но вы сами изволите знать: лъзя-ли сердцу приказать!

НАСТЕНЬКА. Не понимаю ни слова! Впрочемъ, ваши дѣла до меня не касаются (Идетъ).

ВАСЯ. (дѣлаетъ къ ней нѣсколько шаговъ). Настасья Васильевна!

НАСТЕНЬКА. Что вы?

ВАСЯ. Благоволите выслушать; мнѣ относительно вашей персоны желательно кой-что сказать.

НАСТЕНЬКА. Мнѣ?

ВАСЯ. Такъ точно-съ, вамъ-съ!

НАСТЕНЬКА. Говорите, только пожалуста не фигуричайте, а то я васъ не пойму.

ВАСЯ. Вы не обижайтесь на мои слова, я, значить, умереть на мѣсть, по душѣ буду говорить.

НАСТЕНЬКА. За что обижаться? Впрочемъ, можетъ-быть, вы глупости рассказывать хотите?

ВАСЯ. Никакъ нѣтъ-съ; мы этими дѣлами не занимаемся (*Становится на колѣна*). Значить, Настасья Васильевна! сжальтесь, не погубите!

НАСТЕНЬКА. Что это? Опять за старое, опять любовное объясненіе? Вы забыли, что я вамъ сказала?

ВАСЯ. Помню-съ, право слово помню-съ, но значить, собой владѣть не могу-съ.

НАСТЕНЬКА. Это изъ рукъ вонъ что такое! Богъ мой, какая я несчастная! Другимъ дѣвушкамъ все хорошіе объясняются въ любви, а мнѣ-то, мнѣ-то, какой уродъ, глядѣть гадко! Какъ вы смѣете обижать меня? Я дядинькѣ жаловаться буду!

ВАСЯ. Вѣрите истинѣ-съ, хлѣба лишился, ни на что-бы не смотрѣлъ, все, значить, вы однѣ въ предметъ.

НАСТЕНЬКА. Пошелъ вонъ, я на тебя равнодушно глядѣть не могу! Мнѣ дурно сдѣлается. Какъ ты осмѣлился на такую дерзость!

ВАСЯ. Я для васъ на все рѣшусь, только, значить, осчастливьте! Разнымъ наукамъ выучусь, въ военную службу пойду, до офицеровъ дослужусь.

НАСТЕНЬКА. Дай только дядинькѣ прѣхать, я ему все расскажу; онъ тебя дослужится до офицеровъ. Дрянъ, ланотникъ! вишь о чемъ возмечтать вздумалъ! (*Уходитъ*).

VIII.

ВАСЯ одинъ, нѣсколько минутъ стоитъ на колѣнахъ, потомъ медленно поднимается.

Значить, не поперло дѣло, карету подкатили, да еще съ ругательными словами. Скверно, право слово скверно! Вѣдь другимъ, поглядишь, въ этакоемъ случаѣ лафа, а тутъ что хошь, мимо да мимо! Эхъ жаль упустить, кусокъ-то больно хорошъ, почитай подъ 50 тысячъ чистагана, магазинъ-то можно открыть на славу. И чѣмъ это я ей не нравлюсь? Кажись, все какъ слѣдуетъ; въ лавкѣ, то есть, ни одна горничная безъ комплименту за деликатное обращеніе не оставитъ; танцовать тоже умѣемъ распрекраснымъ манеромъ, физиономія не подлостная какая-нибудь, а если взять въ сужденіе, значить, коммерцію, то, однимъ словомъ, ни въ чемъ маху не дадимъ. Какихъ-же ей еще надоть удовольствій! Алл думаетъ генералы за

нее свататься будутъ? Какъ-же! держи карманъ шире! Не бось и взглядомъ, значить, не удостоятъ. (*Ходитъ по комнатѣ*). Вишь расфуфырилась, словно графиня какая! Да, значить, непохожа, умереть на мѣсть, непохожа. Оно какъ не великаться, все видно, значить, что птица неважнаго полета! Что въ пансіонахъ-то училась! по французскому бормочеть! Велика важность! Вишь штука какая! Захотимъ, и мы съумѣемъ выучиться, дѣло-то, значить, не чортъ знаетъ какое, такъ, выходитъ, будемъ рзать, что мое почтенье!

IX.

ВАСЯ, САВИШНА и ФЕДОСЬЯ.

САВИШНА. Спасибо тебѣ, мать моя, что скоро подоспѣла; изгрызли-бы меня ваши собаки на смерть.

Федосья. Нѣтъ, онъ только кидаются, а рвать не рвутъ.

САВИШНА. Ужъ и перепугалась-же я. До-сихъ-поръ духъ не переведу. Присясть хотъ отдохнуть немного.

Федосья. Присядь, присядь, матушка.

САВИШНА (*Вась*). Что молодець, хозяева-то дома?

Вася. Не знаемъ-съ, мы тутъ, значить, не прислужники. (*Уходитъ*).

САВИШНА. Вишь, словно съ дуба рванулъ! Федосьюшка, ваши-то дома?

Федосья. Кажись дома.

САВИШНА. То-то. Мнѣ до нихъ дѣло есть. Здоровы? а?

Федосья. Что имъ двется! Люди богатые, живутъ въ свое удовольствіе. Хозяйка-то давича про тебѣ вспоминала: что-то, говоритъ, Савишны давно не видно!

САВИШНА. Ну дай Богъ ей здоровья, что не забываетъ насъ

Федосья. Тебѣ хозяйку-то на что надоть? а?

САВИШНА. Надо, мать моя. Кой-что сказать ей надо.

Федосья. А!.. Что-жъ такое?

САВИШНА. Она меня просила похлопотать объ одномъ дѣлѣ, вотъ я и похлопотала.

Федосья. Знать изъ стараго платья что-нибудь продать?

САВИШНА. И, нѣтъ, не то, совсѣмъ не то. Ты вотъ что, поди-ка, скажи ей: Савишна, молъ, пришла!

Федосья. Хорошо. А если она спросить, по какому дѣлу, что сказать-то?

САВИШНА. Она знаетъ! Сейчасъ смекнетъ, зачѣмъ я пришла.

ВЕДЕСЬЯ. Ну, ты посиди, покамѣсть, тутъ. Я ее сейчасъ вышлю (*Уходитъ*).

X.

САВИШНА одна.

Измаялась, ноги-то отпанцырила, такъ и зудять! Легко-ли, почитай все утро присѣсть не удалось! Изъ конца въ конецъ весь городъ прошла. А все нужда! Охъ, нужда, нужда! День-то деньской мечешься, мечешься, словно угорьлая какая.

XI.

САВИШНА и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Здравствуй, Савишна, на силу ты къ намъ глаза показала.

САВИШНА. Здравствуй, мать моя! Давно рвалась, да все нельзя было, то дѣла, то хлопоты, а тутъ еще болѣзнь привязалась. Ну, васъ-то какъ Господь Богъ милуетъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ничего, слава Богу!

САВИШНА. Ну, дай Богъ! А я, мать моя, съ вѣстями пришла, съ хорошими вѣстями.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вѣрно на счетъ Настеньки?

САВИШНА. Да, выглядѣла, сударыня ты моя, женишка ей, да такого, что заглядѣнье, да и только!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Слава Богу! Кто-же онъ такой?

САВИШНА. Купецъ, матушка, богатѣйшій купецъ; только не здѣшній, а московскій!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А!..

САВИШНА. Прѣжніе женихи, что сватались за вашу красавицу, ему, мать моя, въ подметки не годятся. Этотъ такой важный, великатный, словно баринъ какой. Онъ, видишь ты, хотѣлъ свататься у Зориныхъ, да я ему разговѣтовала, потянула на вашу сторону; говорю: ты, батюшка мой, посмотри на эту-то дѣвку, то есть, на вашу, просто ахнешь отъ удивленія; такихъ, говорю, въ Питерѣ не найдешь: и богатая-то, и ученая-то, и въ обращеніи всѣ прѣличія знаетъ, а ужъ про красоту и говоритъ нечего.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Спасибо тебѣ, Савишна, спасибо!

САВИШНА. А какъ про свое житье бытѣе онъ мнѣ рассказывалъ, такъ что-же это такое, мать ты моя! Не повѣришь, ротъ рази-

нула я отъ удивленія. Домъ-то у него въ Москвѣ на самой что ни на есть хорошей улицѣ, чуть-ли не въ четыре или пять этажей. Коляскамъ, каретамъ счету нѣту, а ужъ о пролеткахъ и говорить нечего. Апаратныя лѣстницы въ домъ дубовыя, все лакомъ вымазаны; посудина-то вся у него не хаянцовая, а чистаго серебра, съ хаянцу у него лакеи ѣдятъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, какое богатство!

САВЕШНА. И не говори, мать моя! Знакомство онъ ведетъ все съ князьями да графами, а своему брату купцу ужъ такъ изъ милости почтеніе дѣлаетъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А молодой онъ, или пожилой?

САВЕШНА. Молодой, молодой, лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ-же это ты, Савешна, съ нимъ познакомилась?

САВЕШНА. Самъ, мать моя, пзвощика за мной прислалъ. Когда бинь это было!.. Кажется, въ понедѣльникъ. Пріѣзжаю я къ нему, вхожу, вдругъ онъ встрѣчаетъ меня, я глядь, графъ не графъ, князь не князь,—важная особа! Вотъ онъ и зачалъ говорить. А какъ говорить-то, если-бъ ты послушала, словно по книжкѣ читаетъ! «Я, молъ, пріѣхалъ сюда изъ Москвы жениться, а какъ слышанъ про васъ, что вы свахою ходите, то нельзя проговорить обо мнѣ у Зориныхъ; старшая мнѣ очень правится.» А я ему тутъ съ вашей питомицей и подъехала. Эта, говорю, не въ примѣръ чище будетъ. Онъ сначала, признаться, и того, какъ будто заартачился; началъ спрашивать: какого роду, сколько денегъ и приданого? А какъ я ему все поразсказала, гляжу, онъ обошелся, сталъ тише, и началъ просить какъ-нибудь устроить, чтобы взглянуть на невесту.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что-жъ, это можно!

САВЕШНА. Я ему такъ и сказала: это, молъ, батюшка, можно сдѣлать; вы пріѣдете къ нимъ какъ-будто для знакомства или, примѣрно сказать, чаю напиться; вотъ невесту-то выведутъ, вы и увидите, а кстати ужъ и себя покажете!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Разумѣется, надобно и его посмотреть.

САВЕШНА. Загодя говорю, мать моя, понравится такъ, что разстаться съ нимъ не захотите. Рѣдкостный человекъ, полный, бѣлый, румяный и собой не плохъ, однимъ-словомъ, спасибо скажите.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Дай Богъ, Савешна, твоими устами медъ пить!

САВЕШНА. Хорошо будетъ, родная, ужъ въ этомъ я не ошибусь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ты у насъ, Савишна, останься объдаться, кстати съ Фодоромъ Степанычемъ объ этомъ потолкуешь, а то теперь ихъ дома нѣтъ!

САВИШНА. Изволь, родная моя, останусь. Много тебѣ благодарна.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А хорошо-бы это устроить! Пора ужъ Настенькѣ къ мѣсту.

САВИШНА. Ужъ такъ-бы хорошо, что лучше и желать нельзя. Я тебѣ скажу, женихъ-то какой, въ десять лѣтъ такого не дождешься; одно, не знаю, можетъ не понравится тѣмъ, что нездѣшній!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что-жъ такое? Она вѣдь намъ не родная дочь, чтобы хлопотать пзъ этого! Быль-бы только хорошій человекъ.

САВИШНА. Правда, твоя, матушка, истинная правда.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А что онъ семейный или нѣтъ?

САВИШНА. Какой тамъ семейный, одинъ, какъ перстъ!

ХII.

ТВЪ-ЖЕ и ПАТОКИНЪ.

ПАТОКИНЪ. Савишна, ты здѣсь? А я хотѣлъ посылать за тобою.

САВИШНА. Здравствуй, кормилецъ! Все-ли себя здоровы?

ПАТОКИНЪ. Что намъ дѣется! Вишь какимъ молодцемъ.

САВИШНА. Ну, дай Богъ.

ПАТОКИНЪ. Ты-то какъ поживаешь? а?

САВИШНА. Э, эхъ, родной, какое паше житье! По милости благодѣтелей, такъ себя, кой какъ со дня на день перебиваюсь.

ПАТОКИНЪ. Гмъ!

САВИШНА. Нужда нуждой, а тутъ еще болѣзнь привязалась: поясница стала побаливать.

ПАТОКИНЪ. На поясницу я самъ сталъ жаловаться; ипой разъ посидишь за какимъ-нибудь дѣломъ, такъ разболится, что подняться не въ ногу.

САВИШНА. Неволя тебѣ самому хлопотать, народу полноъ дворъ. Прикажи, глядишь, все сдѣлають.

ПАТОКИНЪ. Эхъ ты, голова съ мозгомъ! Все сдѣлають! . Народу много! Да вѣдь у меня есть и эвтакія дѣла, для которыхъ нужна голова, вотъ самъ и орудуешь; а повѣрь какую-нибудь важную оказію своимъ шалопутнымъ прикащикамъ, такъ опосля и самъ не расхлѣбаешь!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ѳедоръ Степанычъ, вѣдь Савишна къ намъ пришла съ предложеніемъ за Настеньку.

ПАТОКИНЪ. Что-жь, милости просимъ, очень рады.

САВИШНА. Этотъ женихъ, отецъ мой, безъ сумльня будетъ, отличный человекъ, безъ всякихъ пороковъ.

ПАТОКИНЪ. А кто такой?

САВИШНА. Московской купецъ, Пашневъ прозвище, а звать-то Никаноромъ Силычемъ.

ПАТОКИНЪ. Такъ!

САВИШНА. Ты, батюшка, разспроси о немъ; ваши купцы въ Москвѣ бывають, небось знаютъ его; да и какъ не знать—лицо значительное!

ПАТОКИНЪ. А что онъ, Савишна, на счетъ того... то есть... не мошенникъ?

САВИШНА. И, что ты, мой отецъ! Христосъ съ тобой! Станули я мошенника сватать.

ПАТОКИНЪ. Нѣтъ, я не то хотѣлъ спросить. На нашихъ-то онъ не похожъ?

САВИШНА. Далекое свиньямъ на небо смотрѣть! Наши-то передъ нимъ тфу! и больше ничего. Просто сказать, капли-каплющей сродства нѣту. Онъ, отецъ мой, если ты хочешь знать, больше на благороднаго сшибаетъ.

ПАТОКИНЪ. Ну, а въ словахъ-то онъ каковъ? Незамѣтно, что шельма? а?

САВИШНА. Въ словахъ-то? Что-жь! Въ словахъ ничего! Правду сказать, говорливъ-то онъ сильно, да вѣдь все такъ складно, умно говорить, слушать хочется!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вамъ, Ѳедоръ Степанычъ, пужно за это дѣло поаккуратнѣе взяться.

САВИШНА. Узнай, отецъ мой, хорошенько узнай.

ПАТОКИНЪ. Известно такъ; если человекъ хорошій—упускать не надобно.

САВИШНА *(на распѣвъ)*. Ужъ такъ хорошъ, такъ хорошъ, словно потреть написанный.

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ и ѲЕДОСЬЯ.

ѲЕДОСЬЯ *(съ таинственнымъ видомъ)*. Марья Петровна, пожалуйте сюда.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что тебѣ надобно?

Федосья. Матрена говоритъ, чтобы вы сѣли кѣшать, а то коклеты перегорятъ.

Марья Петровна. Сейчасъ. Федоръ Степанычъ, пожалуйста, кушанье готово; объ дѣлахъ-то вы послѣ объѣда переговорите. Савишна, иди.

Савишна. Иду, иду, мать моя.

Патоквиъ (идетъ). Хорошо-бы, Савишна, эту статью намъ охлопотать!

Савишна. Охлопочемъ, отецъ мой, ужъ повѣрь мнѣ, я напередъ тебѣ скажу: быть на нашей улицѣ празднику.

(*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гостиная въ домѣ Патоквиъ.

I.

Вася (засматриваетъ въ боковую дверь). Знать не прѣзжалъ! Изъ чужихъ никого не видно! Эхъ головушка ты моя горькая! Значить, изъ рукъ улетаетъ птаха; какъ ни трафилъ, какъ ни усердствовалъ, а не поймалъ. Ужъ такъ, выходить, жалко, такъ жалко, что нѣдо сердце разрывается. А все это растрепроклятая Савишна виновата. Дернула ее ворона съ женихомъ своимъ подвернуться. Еслибы не она, я-бы, значить, навѣрняка охлопоталъ эту исторію. Нѣтъ моего уваженія и любви къ этой старухѣ; будь, значить, моя воля, изъ всѣхъ-бы домовъ повыгналъ ее, какъ чуму какую. Но погоди, дай срокъ, наше не пропадетъ: при первомъ случаѣ я-жъ те оплачу, то есть, вотъ какъ значить, измордую, что у меня скажешься, какъ тебя зовутъ!

II.

ВАСЯ и ФЕДОСЬЯ вносятъ свѣчи и ставятъ на столъ.

Вася. Васильевна, будь другъ, послужи!

Федосья. Что тебѣ надобно?

Вася. Скомандуй сюда на одинъ моментъ барышню!

Федосья. Какъ-же, дожидайся. Барышня такъ къ тебѣ и кинется! Развѣ ты ослѣпъ, что она съ гостями занимается?

Вася. Да голова съ мозгомъ, ты скажи, что по оченно нужному дѣлу ее спрашиваютъ.

Ведосья. Нашель время лезть съ дѣлами. Не пойду, не пойду; если хочешь, иди самъ вызывай.

Вася. Слышь, Васильевна, самъ уважу; такой, значитъ, презентъ подарю, что мое почтенье.

Ведосья. Знаемъ мы ваши презенты! Теперь общасшь много, а послѣ кукншь съ тебя возьмешь!

Вася. Провалиться на мѣсть, не обману!

Ведосья. Да у тебя какое къ ней дѣло?

Вася. Какое? Значитъ, позарѣзь нужное!

Ведосья. Ладно, такъ ужъ и быть, уважу, пойду. Только смотри-же, про подарокъ-то не забудь.

Вася. Ужъ не сумлѣвайся! (*Ведосья уходитъ*). Эхъ! если-бы вытянуло, то-то было-бы любо!

Ведосья (*возвращается чрезъ нѣсколько минутъ*). Барышня сказала, что у ней нѣтъ никакихъ дѣловъ съ тобой, а если ты еще вздумаешь ее кликать, то она пожалуется дядинькѣ, а онъ, дескать, ему какъ разъ шею наколотить.

Вася. Какъ-же! Такъ сейчасъ шею-то имъ, значитъ, и подставятъ! Слишкомъ много будетъ!

Ведосья. Ужъ это не мое дѣло. Какъ она сказала, такъ и передаю!

Вася. Вишь, больно охочи драться; да жалко, значитъ, не таковскіе достались! (*Садится*).

Ведосья. Чего ты тутъ разсаживаешься? Увидить хозяинъ, онъ-те турнетъ, горохомъ полетинишь!

Вася. Это мы еще, значитъ, посмотримъ.

Ведосья. Смотрѣть-то нечего. Поди-ко лучше пособи мнѣ съ самоваромъ управиться.

Вася. Съ эвтимъ проваливай мимо; дѣло, значитъ, не нашего колибера.

Ведосья. Ну сиди, дожидайся, авось съшь затрещину отъ хозяина. (*Уходитъ*).

Вася. Ужъ я, значитъ, выжду, подцѣлю ее, скажу: Настасья Васильевна; я, значитъ, всей душой, всѣмъ расположеніемъ.... (*Слытитъ голосъ Патокина: «Чтобы все было готово.»*) Кажись дядинька лезеть! (*Прислушивается*). Онъ и есть! Вишь сго несетъ! (*Скоро уходитъ*).

III.

ПАТОКИНЪ выходятъ, задумавшись.

Дѣло ладно: налетѣлъ такой соколъ, что лучше и требовать нельзя; я ужъ ошупалъ его со всѣхъ сторонъ, разобралъ до послѣдней косточки. Человѣкъ съ руки, подходящий. Во чтобы то ни стало, надо постараться перекрутить его съ Настей; барышъ отъ этой операціи тремя тысячами серебра пахнетъ. Одна моя бѣда, что онъ завзжій! Кто онъ? Каковъ опъ? Чортъ его въдасть! Для меня-бы эта статья ничего, пустяки, нестоющая вниманія, да родственники-то какъ-бы не заочевряжились! Антошка, глядишь, первый начнетъ цѣпляться, какъ крючокъ. Ужъ такой расподляющій малой, для него ни почемъ, не знавши человѣка, раскорить въ хвостъ и голову. (*Молчаніе*). На что дѣло пойдетъ, хвачу грѣха на душу, прилгну маленько. Главная штука теперь вести похитрѣе дѣло, а какъ свалилъ съ шеп всю эту исторію, такъ что ни случись, не наша забота; какъ знаютъ, такъ и кроютъ, худо-ли, хорошо-ли — не наше дѣло!

IV.

ПАТОКИНЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА, АННА ФЕДОРОВНА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА и НАСТЕНЬКА выходятъ изъ боковыхъ дверей. НАСТЕНЬКА одѣта въ шелковое платье; на ней много вещей.

Марья Петровна. Пожалуйте сюда, здѣсь попрохладнѣе будетъ, а то ужъ тамъ сидѣть нельзя, куда какъ жарко!

Патокинъ. А вы зачѣмъ туда забились? Комнатка маленькая, да глядишь еще отъ самовара жары поприбавилось.

Марья Петровна. Анна Федоровна, вы-бы на диванъ пожаловали.

Анна Федоровна. Спасибо, матушка, спасибо.

Ольга Андреевна (*Настенька*). Что-же это никто не ѣдетъ.

Настенька. Какъ-же! этихъ милыхъ гостей скоро дождѣшься!
Надобно-же поломаться!

V.

ТЪ-ЖЕ, В. ВЛАСЬЕВЪ и А. ВЛАСЬЕВЪ.

В. Власьевъ. Мое почтенье-съ!

Патокинъ. Пожалуйте, пожалуйста! (*Всѣ кланяются*).

В. Власьевъ. Здравствуйте, Федоръ Степановичъ! А съ вами, барышни, позвольте по старинному поздороваться. (*Цѣлуется съ Настенькой и Ольгой Андреевной*). Ну, за компанію ужъ и съ вами, Марья Петровна, Анна Федоровна.

Анна Федоровна. Что-жъ! поцѣлуемся батюшка, по старинѣ, бывало все такъ-то. (*Цѣлуются*).

Настенька (*утираясь, говоритъ тихо Ольгѣ Андреевнѣ*). Экой дуралей, лезетъ съ своими губами; онъ воображаетъ, приятно съ нимъ расцѣловываться!

Ольга Андреевна. Мужикъ и манеры мужицкія.

А. Власьевъ (*Патокину*). А Ардалионъ Алексѣичъ еще не пожаловали-съ?

Патокинъ. Нѣтъ, еще не прѣзжалъ.

В. Власьевъ. Ну, батюшка, Федоръ Степанычъ, что новенькаго?

Патокинъ. Да покедова ничего нѣтъ!

В. Власьевъ. Что-жъ такъ-съ? Это плохо! А я вотъ нынче цѣлое утро просидѣлъ у Щоткина; мирили его съ женой.

Анна Федоровна. Али этотъ сумасбродъ опять поднялся?

В. Власьевъ. Какъ-же-съ, совсѣмъ хотѣлъ выгнать жену изъ дому, ужъ кой-какъ успѣли его уговорить. Признаться сказать, хлопотъ немало было.

Анна Федоровна. Экой бѣшеный! экой бѣшеный! Бѣдную Варвару Федосѣвну жаль, бабочка молоденькая, а житье-то какое горемычное! Нѣтъ, я, благодаря Бога, съ покойникомъ нетакъ жила.

Марья Петровна (*А. Власьеву*). Что-же ваша супруга поспѣсивилась, не изволили пожаловать?

А. Власьевъ. Да маленькій сыночекъ что-то заболѣлъ-съ; должно быть простудился, лежитъ весь въ жару-съ.

Марья Петровна (*качая головой*). Скажите!..

Анна Федоровна. Простуда, если въ жару, такъ простуда. А ты бы приказалъ напоить его бузиной или малиной. Мой покойникъ всегда бывало чуть почувствуетъ жаръ, напьется на ночь горячаго,—къ утру все пройдетъ!

Настенька (*Ольгѣ Андреевнѣ*). Я, кажется, усну подъ эти интересные разговоры.

VI.

ТЪ ЖЕ в ЛАПКИНЪ.

Лапкинъ. Добраго здоровья!

Патокинъ. Милости просимъ!

Анна Федоровна. Здравствуй, батюшка.

В. Власьевъ. Что васъ давно видомъ не видать, слыхомъ не слыхать?

ПАТКИНЪ. Я это время все на мельницѣ жилъ.

В. Власьевъ. Понимаю-съ, оно сказать, за городомъ теперь лучше. Погода насъ посетила хорошая.

ПАТКИНЪ. Я тамъ не для блажи жилъ, а по дѣламъ.

В. Власьевъ. Нѣтъ-съ, вотъ видите, я къ тому эту рѣчь веду, что на счетъ здоровья всь, такъ-сказать, ученѣйшіе доктора советуютъ пользоваться чистымъ воздухомъ,—онъ освѣжаетъ. Вотъ еще недавно-съ, лѣтъ пять, а можетъ-быть и всѣхъ шесть, было напечатано, позвольте, въ какой бишь это газетъ...

VII.

ТѢ-ЖЕ и МАТРЕНА ИВАНОВНА. Паткинь встрѣчаетъ ее лизкими поклонами.

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*останавливается съ дверяхъ и говоритъ*). Оедосья, скажи Григорью, чтобы онъ за мной въ десять часовъ пріѣзжалъ, да запрягъ-бы сую лошадь! Слышишь? (*Входитъ*). Здравствуйте, Марья Петровна! Какъ васъ Богъ милуетъ? Настенька, что это ты разрядилась, словно невеста? (*Паткину*). Какого это ты, отецъ мой, присылалъ ко мнѣ сорванца? Вѣдь онъ меня на смерть перепугалъ: влетѣлъ въ комнату, словно съ цѣпи сорвался, говоритъ: приказали въ шесть часовъ просить безпрѣменно. Спрашиваю: Зачѣмъ?—Не знаю!—Всѣ-ли здоровы? Опять не знаю! Хотѣла еще что-то спросить,—его и слѣдъ простылъ. Цѣлый день я мучилась, хотѣла послать къ вамъ Марью, узнать, что такое случилось! А тутъ собралась совсемъ вхать, Авдотью Ивановну принесло! Насилу сировадила, распустила разговоры, думала конца не будетъ. Все время я будто на иглокахъ просидѣла. Ну, что вамъ за радость Богъ послалъ?

ПАТКИНЪ. Покорнѣйше прошу, матушка Матрена Ивановна, присѣсть! Сейчасъ все узнаете.

В. Власьевъ. Позвольте-съ, къ случаю пришлось; точно така-же исторія случилась со мной. Карцевъ Евграфъ Ивановичъ,—вы его знаете-съ? Чумачева старуха ему бабкой доводится, однажды присылаетъ за мной; посланный говоритъ, чтобы я сейчасъ приходилъ къ нему, дѣло какое-то необыкновенно нужное. Я кой-какъ собрался и бѣжать. А онъ нанималъ въ то время квартиру у отца Ивана, какъ разъ на концѣ Знаменской-улицы. Прихожу, спрашиваю: Что это братецъ, какое случилось дѣло? Онъ посмотрѣлъ на меня, да и ну хохотать. Что-жъ, вы думаете, оказалось? Онъ посылалъ за Стратономъ Сидоровичемъ, а посланный ошибсь и понади ко мнѣ. Хе, хе, хе, забавная вышла исторія.

НАСТЕНЬКА (*Ольга Андреевна*). И ни капельки не забавно!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Разскажалъ ни къ селу, ни къ городу.

МАТРЕЗА ИВАНОВНА (*Патокину*). Ну, батюшка, говори-же, зачѣмъ ты насъ собралъ?

ПАТОКИНЪ. Покорнѣйше прошу всѣхъ присѣсть и выслушать мои рѣчи. (*Всѣ усаживаются. Нѣсколько минутъ молчаніе. Патокинъ откашливается и начинаетъ говорить не слыша, торжественнымъ голосомъ; въ немъ замѣтно желаніе выразиться поумнѣе.*) Извѣстно, что Василій Тимоѣевичъ, сродственникъ нашъ, скончалъ свой животъ и отдалъ, къ примѣру говорится, свою одноутробную дочь Настеньку подъ наше опекунство; вотъ, значить, мы какъ родственники, должны хлопотать о ней, утѣшать ее.

НАСТЕНЬКА (*тихо*). Нечего сказать, утѣшили! Чуть въ гробъ не положили.

ПАТОКИНЪ. Наша обязанность, выходить, быть ей родителями, то есть отцомъ и матерью, и доставить, съ своей стороны, супружеское счастье, на вѣки вѣковъ нерушимое.

МАТРЕЗА ИВАНОВНА. Нуте-съ!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте вашу рѣчь перебить, къ случаю пришлось. Однажды я...

А. ВЛАСЬЕВЪ. Замолчите, братецъ, послѣ разскажете, пускай Осдоръ Степанычъ кончить!

ПАТОКИНЪ. Такъ вотъ-съ по этому случаю къ Настенькѣ нашей присватывается женихъ.

МАТРЕЗА ИВАНОВНА. Давай Богъ. Если хорошій человекъ, думать и толковать нечего, а веселымъ пиркомъ да за свадебку.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте спросить-съ, кто-же такой?

ПАТОКИНЪ. Пашневъ Пиканоръ Силычъ.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Пашневъ? Что-то я, право, не знаю-съ; у насъ въ городѣ Пашневыхъ, кажется, нѣтъ-съ!

ПАТОКИНЪ. Онъ не здѣшній, а московскій; фамилія значительная.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте-съ, я вамъ вотъ что скажу-съ. Когда я былъ въ 28 году въ Москвѣ-съ; — вы, братецъ, должно быть это помните, — моимъ попутчикомъ былъ Степанъ Ивановичъ, ухорскій малой! Вотъ, я вамъ доложу-съ, по пріѣздѣ туда, окончивши все дѣла, сидѣлъ я однажды на балконѣ и любовался столицей. Только глядь! Сапоги на мнѣ худехоньки. Думаю, дѣлать нечего, надо раззориться, купить новые. Отправился; гляжу лавка, только не помню на какой улицѣ; вхожу, выбралъ отличные сапоги, спрашиваю цѣну: шесть съ полтиной. Ну, думаю, пріѣду домой съ

обновкой. Вотъ-съ вышелъ изъ лавки, да и любопытствуя взглянуть на вывѣску; на ней большими буквами написано: лавка Пашнева. Я этотъ разговоръ къ тому веду, что, можетъ-быть, этотъ самый Пашневъ сватается за Настасью Васильевну.

Матрена Ивановна. Сапогами, башмаками-ли онъ торгуетъ, все-равно; былъ-бы только купецъ и хорошій человекъ.

А. Власьевъ. Прежде всего нужно узнать-съ, каковъ онъ? Такия вещи съ бухты-барахты не дѣлаются.

Патокинъ (обращаясь ко всѣмъ). Я у нашихъ торговцевъ спрашивалъ, — слухи добрые!

А. Власьевъ. Вы у кого-же изволили спрашивать-съ?

Патокинъ. Мало-ли у кого! Вотъ, къ примѣру, у Якова Семеновича!

А. Власьевъ. Такъ-съ! А по настоящему надобно-бы въ Москву писъмецо написать-съ.

Патокинъ. Покедова мы будемъ письма расписывать, онъ въ другомъ мѣстѣ сосватается. Не знаю какъ, а по моему, такимъ людямъ, какъ Яковъ Семеновичъ или Артемій Артемьевичъ, можно повѣрить, они вратъ не стануть.

Матрена Ивановна. Ну да, разумеется. (*Власьеву*). Будемъ рассуждать, женихъ между рукъ выскользнетъ, а мы должны все силы употребить для Насти, она сирота. Если-же станемъ сидѣть, сложа руки, или пересыпать изъ пустаго въ порожнее, она, пожалуй, въ дѣвкахъ останется, а я по себѣ знаю, каково въ дѣвкахъ сидѣть.

А. Власьевъ. Какъ знаете, вамъ лучше знать-съ.

Анна Федоровна. Когда меня отдавали за мужъ, почитай ни у кого не спрашивали про жениха; отъ своей судьбы не уйдешь, на все, отцы мои, судьба!

Марья Петровна. Известно, суженаго конемъ не объѣдешь.

Ладкинъ. Справедливо изволите говорить.

Настенька. Боже мой! Наконецъ этотъ шумъ несносенъ становится!

Ольга Андреевна. Они воображаютъ, что въ трактиръ собрались.

Матрѣя Ивановна. Стойте, стойте, дайте мнѣ говорить. Надобно назначить смотрины, и тогда мы все на дѣль увидимъ. Я съ одного взгляду узнаю, каковъ человекъ! Въ этомъ на меня можете положиться. Когда за меня сватался Нефедъ Нефедьичъ, я сразу сказала, что онъ мнѣ не женихъ; — и вѣдь не обману-

лась: Нефедъ Нефедычъ спился съ кругу. Ну-съ: Федоръ Степановичъ, кто свахой за этого жениха?

ПАТСКЪНЪ. Савишна, кому-же больше быть?

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хорошо. Почему-же ее тутъ нтъ?

ПАТОКЪНЪ. Я ее поставилъ на сторожку, какъ только женихъ на дворъ, чтобы она сію минуту прибъжала намъ сказать.

МАТРЕНА ИВАНОВНА *(съ удивленіемъ)*. Чтѣ? Да развѣ женихъ нынче прїѣдетъ?

ПАТОКЪНЪ. Нынче, въ восемь часовъ. По этому я васъ и пригласилъ!

ЛАПКЪНЪ *(А. Власъеву)*. А намъ ни слова! каковъ!

А. ВЛАСЪЕВЪ. Своє дѣло знаетъ-съ. Повѣрьте мнѣ, все это подвоятся штуки. Чай отыскалъ какого-нибудь ухтера, а намъ выдаетъ за богатаго жениха!

VIII,

ТЪ-ЖЕ и САВИШНА вбъгаетъ.

САВИШНА. Прїѣхалъ! Отцы мои, прїѣхалъ! У крыльца ужъ! съ пролетокъ слезаетъ! *(Между всми начинается суматоха, которая продолжается до появленія Пашнева)*.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Федоръ Степановичъ, идите, встрѣчайте гостей!

ПАТОКЪНЪ. Савишна, иди!

САВИШНА. Чтѣ ты, отецъ мой, къ какой стати! Тебѣ это будетъ попристойнѣе!

ЛАПКЪНЪ. Да, вы хозяйинъ дома, эта ваша обязанность!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА *(Марья Петровна)*. Посмотрите, пожалуйста, что у меня платокъ ровно лежитъ назадъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Немного вздержнулся. *(Поправляетъ платокъ)*. Теперь хорошо-съ.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Покорно васъ благодарю.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, пересядь на крайнее кресло. А ты, мать моя, сойди съ этого мѣста, пускай женихъ около Насти сядетъ.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Вишь какъ распоряжается!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настя, въ разговорахъ будь аккуратнѣе, отвѣчай, какъ слѣдуетъ. Это я для твоей пользы говорю.

НАСТЕНЬКА. Не беспокойтесь; я знаю, какъ говорить.

ПАТОКЪНЪ. Василій Матвѣичъ, вы ужъ пожалуйста съ своей стороны поддержите меня въ рѣчахъ-то; вамъ это съ руки, вы тамъ разныя газеты читаете!

В. Власъевъ. Понимаю-съ, понимаю-съ!

Матрена Ивановна. Федоръ Степановичъ, что-же ты баласы-то точишь. Еще успеете послѣ наговориться! Вишь, сталъ и ни съ мѣста! Надобно-же встрѣчать! Словно ты приличія не знаешь.

Патскннъ. Иду, иду.

Матрена Ивановна. Батюшки мои! Совсѣмъ изъ ума вонъ. Савишна, бѣги скорѣе, какъ только женихъ въ дверь, ты се сейчасъ-же замкомъ припни *.

Савешна. Вѣдь сама думала это сдѣлать, да съ хлопотами и позабыла. (*Уходитъ*).

Настенька. Ахъ, тетинька, я какъ-будто чего испугалась! Дрожу словно въ лихорадкѣ.

Ольга Андревна. Ничего, это пройдетъ!

IX.

ТѢ ЖЕ, ПАШНЕВЪ и ЯКОВЛЕВЪ, ПОТОМЪ САВИШНА.

Пашневъ. Имѣю честь рекомендоваться: московскій купецъ Никаноръ Силычъ Пашневъ. (*Всѣ кланяются*).

Патскннъ. Покорно прошу, очень рады! Позвольте и намъ рекомендовать себя въ ваше расположеніе: Федоръ Степановъ Патокинъ, здѣшній купецъ; это вотъ жена моя, это родственникъ, прошу любить да жаловать! А это племянница наша Настасья Васильевна Перепѣлова.

Пашневъ. Сочту за честь пользоваться вашимъ знакомствомъ.

Яковлевъ (В. Власъеву). Какъ поживаете? Давненько я васъ не видалъ!

В. Власъевъ. Давно-съ. Право не вспомню, гдѣ я имѣлъ пріятность видѣться съ вами въ послѣдній разъ.

Яковлевъ. На прошлой недѣлѣ въ судѣ!

В. Власъевъ. Припоминаю-съ, припоминаю-съ! Ну, что повенъ-каго?

Яковлевъ. Не знаю право, я все занятъ службой.

В. Власъевъ. Понимаю-съ! (*Нѣсколько минутъ молчаніе, изрѣдка прерываемое кашлемъ Патокина и вздохами Анны Федоровны*).

Ладкинъ (тихо А. Власъеву). Что-жъ это всѣ молчатъ? Начните хоть вы разговоръ!

* Когда женихъ прѣзжаетъ смотрѣть невѣсту, то первую дверь, черезъ которую онъ входитъ, запираютъ замкомъ. Черезъ соблюденіе этого обряда, полагаютъ, дѣвушка непременно должна поправиться жениху.

А. Власьевъ. Какая прекрасная погода стóитъ-сь; но времени давно надо было ожидать ненастья!

Пашневъ. Да, октябрь почти на исходъ, а на дворъ точно май. На небъ нтъ ни одного облачка, которое-бы грозило ненастьемъ!

Яковлевъ. Давеча утромъ, когда я шелъ въ словесной судъ на службу, моросилъ дождичекъ, только маленькйй.

Патокнъ. Тенерь, вотъ того и гляди, распутица пойдетъ.

А. Власьевъ. Почему вы это заключать изволите-сь?

Патокнъ. Ужъ я знаю: чуть только къ непогодъ, у меня сейчасъ начнетъ въ пятку колоть. Такъ-то, свой бараметъ!

А. Власьевъ (*Пашневу*). Вы изволили вхать. Какъ дороги въ полъ? Не начинаютъ еще портиться?

Пашневъ. Нисколько! Я вхаль точно по бархату.

В. Власьевъ. А смью спросить, вы въ какихъ числахъ оставили столицу?

Пашневъ. Въ концъ прошлаго мѣсяца!

В. Власьевъ. Понимаю-сь. На счетъ жизненныхъ припасовъ, какъ тамъ цѣны-то? Высоки-сь?

Пашневъ. Право не знаю. У меня провизю поваръ покупаетъ!

В. Власьевъ. Такъ-сь! Это я спросилъ потому, что къ случаю пришлось. А бѣлый хлѣбъ почему? Тоже не изволите знать?

Пашневъ. Кажется, копеекъ двадцать.

В. Власьевъ. Двадцать копеекъ? Bravo-сь! Цѣна высокая. Нтъ, у насъ дешевле. Самый лучший можно имѣть двѣнадцать копеекъ.

Анна Федоровна (*тихо Марья Петровна*). На взглядъ онъ, матушка, куда какъ хорошъ! Мой покойникъ далеко отъ него отстанетъ! Тотъ какъ въ первый разъ прѣвхаль, я взглянула, да и ахнула! Маленькйй, чернйй, рябой. Не думала въ немъ никакого проку. А что-жъ? Вышло ничего, жила съ нимъ такъ, какъ, дай Богъ всякому.

Марья Петровна. Съ лица воды не пить-сь.

А. Власьевъ (*Пашневу*). Ваше занятіе въ Москвѣ какое? Торговлю изволите чѣмъ-нибудь производить-сь?

Пашневъ. Нтъ, я ничемъ не торгую. При батюшкѣ заведена была огромная коммерція, но послѣ его смерти я все уничтожилъ, разсудивъ, что для меня выгоднѣе и спокойнѣе пользоваться процентами съ капитала, нежели хлопотать и заниматься торговлей. Дѣло было заведено огромное! Въ Москвѣ было пять лавокъ съ разными товарами, въ Петербургѣ двѣ, въ Харьковѣ,

Кіевъ и Воронежь по одной. Посудите сами, можно-ли ур-
вляться съ этой громадой одному!

А. Власьевъ (*тихо*). Что-то больно много насчиталь!

ПАТРОКЕНЬ (*Матрени Ивановни*). Каково богатство подвально нашей Настенькѣ? Это она за меня должна Бога молить!

МАТРИНА ИВАНОВНА. Онъ какъ только вошелъ, я сей часъ-же увидала, что отличный человекъ!

В. Власьевъ (*Пашневу*). Мнѣ на память пришла исторія. Въ нашемъ городѣ былъ некто купецъ Мухинъ. Вы его, должно быть, не знаете; онъ десять лѣтъ тому назадъ скончался. Вотъ-съ, изволнте видѣть, онъ тоже, какъ вы, жилъ процентами, не захотѣлъ торговать. Бывало зайдешь къ нему, что-жъ это такое? Вся прихоти, вся роскошь, а о прочемъ и говорить нечего. Лѣтъ съ пятокъ онъ побарствовалъ, а тамъ вдругъ хлопъ! Ничего не осталось. Я этотъ разговоръ веду къ тому...

МАТРИНА ИВАНОВНА (*быстро подходитъ къ Власьеву*). Что это ты, мой батюшка, съ ума спятилъ? Ну, къ дѣлу ты это вздумалъ рассказывать? Человекъ ты немолодой, а сметки нѣтъ ни кандельки, какъ съ чужими людьми обращаться!

ЛАПКЕНЬ (*Пашневу*). Послѣ московскаго житья, въ нашемъ городѣ вамъ, я думаю, скучно кажется?

ПАШНЕВЪ. Ваша правда. У васъ, какъ я замѣтилъ, общественныхъ удовольствій вовсе нѣтъ!

ПАТРОКЕНЬ. Нѣту-съ. Случится иногда заѣдутъ комедіанты, да ненадолго!

ЯКОВЛЕВЪ (*Лапкину*). Ардалиопъ Алексичъ, пожалуйста ко мнѣ на два слова. (*Отводитъ его въ сторону*). Нынче намъ въ словесный судъ принесли жалобу на Осетрова! Вы его знаете?

ЛАПКИНЪ. Еще-бы не знать!

ЯКОВЛЕВЪ II какого рода жалоба! (*Шепчетъ ему на ухо*).

ЛАПКИНЪ. Что вы говорите!

ЯКОВЛЕВЪ. Истинно! Я, какъ словесный судья, ну его уговаривать! Что-жъ вы думаете? Въ два часа порѣшилъ дѣло! Каково?

ЛАПКИНЪ. Ловко! (*Яковлевъ отходитъ отъ него*).

ПАШНЕВЪ (*Настенькѣ*). Вамъ, сударыня, я думаю, провинціальная жизнь кажется довольно скучною?

НАСТЕНЬКА. Да-съ, правду сказать, неочень весело!

ПАШНЕВЪ. У васъ бываютъ балы, маскарады?

НАСТЕНЬКА. Бываютъ балы, только очень рѣдко, и притомъ они

такъ неинтересны, такъ смѣшны, что право не стоить говорить объ нихъ.

Матрѣна Ивановна. Настенька, чѣмъ-же наши балы смѣшны? Кажется, на нихъ бываетъ все, какъ слѣдуетъ.

Пашневъ. Они, можетъ-быть, говорятъ въ сравненіи съ столицными?

Матрѣна Ивановна. Да она, батюшка, въ столицѣ никогда не бывала, что-жъ не издавши сравнивать!

В. Власьевъ. Къ случаю пришлось. Когда я былъ, въ 28 году, въ столицѣ, то не помню ужъ право, откуда мнѣ попалась афишка о балѣ. Хотѣлъ пойти посмотреть, что такое за балъ? Да раздумалъ, цѣна больно высока: какъ я припоминаю, три или четыре цѣлковыхъ.

Пашневъ. Въ столицѣ побывать на балъ стоить. Вотъ въ честь моего отъезда давалъ балъ мой знакомый графъ. Описать все великолѣпіе, право, словъ не найдешь. Это, такъ сказать, было что-то сверхъ-естественное!

Настенька. Вотъ на такомъ балѣ я-бы желала быть.

Пашневъ. Однихъ музыкантовъ было четыре оркестра, а гостей просто счету нѣтъ. Когда балъ приходилъ къ концу, графъ увелъ меня въ кабинетъ и сказалъ: Остаешься, куда ты ѣдешь? Ты знаешь, что наше общество теряетъ въ тебѣ! Я говорю: Графъ, я далъ себѣ слово ѣхать и непременно сдержу его. По крайней-мѣрѣ скажи, что за причина? Хочу объѣхать Россію, отвѣчалъ я, съ цѣлію найти себѣ жену! Тѣмъ, говорить, лучше: женись на моей дочери, ты знаешь, она недурна, приданого за ней два милліона. Собою она точно красавица. Я говорю: Графъ, благодарю за дружбу, я нищу любви, а не приданого.

Патскинъ (перебивал). Известно, жить не съ приданнымъ, а съ таланомъ, не штука деньги, штука разумъ.

Пашневъ (продолжал). А твоя дочь, какъ я ни уважаю и ни почитаю ее, никогда не зажжетъ огонь любви въ моемъ сердцѣ; мы съ ней навсегда останемся братомъ и сестрою.

В. Власьевъ. Смѣю спросить, почему-же вы отказались?

Пашневъ. Она любила друга моего, князя, и для него я отказался отъ руки ея.

А. Власьевъ (Ланкину). Отъ двухъ милліоновъ отказался! Какъ хотите, а я не вѣрю этимъ розказнямъ!

ТЪ-ЖЕ и ФЕДОСЬЯ съ чаемъ.

САВИШНА (*Федосья*). Прежде вонъ тому гостю подавай, что подлѣ Настеньки сидитъ; а потомъ по порядку! (*Федосья подаетъ чай Пашневу*).

ПАТОКИНЪ. Покорнѣйше прошу, пожалуйста! Да не угодно-ли съ ромкомъ?

ПАШНЕВЪ. Съ ромомъ? (*Протягиваетъ руку къ бутылкѣ*).

САВИШНА (*тихо Пашневу*). Ужъ ты, мой батюшка, отъ хмельнаго воздержись, нехорошо. Успѣешь послѣ вышить.

ПАШНЕВЪ (*Патокину*). Благодарю васъ. Я крѣпкихъ напитковъ не пью? (*Молчаніе. Вся заняты чаемъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Никаноръ Силычъ, давно я тебя хочу спросить, ты по выборамъ служилъ или нѣтъ?

ПАШНЕВЪ. Нѣтъ, прошлую балотировку хотѣли выбрать въ головы, да я отказался!

ЯКОВЛЕВЪ. А мнѣ нынче нашъ голова съ такимъ прискорбіемъ говоритъ: Яковъ Семенычъ, скоро кончится срокъ вашей службъ, кого намъ выбрать на ваше мѣсто? Я говорю: Мало-ли у насъ купцовъ. А онъ вздохнулъ и сказалъ: Купцовъ-то много, а такихъ служаекъ, какъ вы, нѣтъ ни одного! (*Видя, что Пашневъ его не слушаетъ, онъ обращается къ Ланкину и начинаетъ съ нимъ тихо разговаривать*).

ПАШНЕВЪ (*Настенькѣ*). Вы, сударыня, занимаетесь музыкой?

НАСТЕНЬКА. Да-съ, только очень мало.

ПАШНЕВЪ. Почему-же? Не любите этого искусства?

НАСТЕНЬКА. О нѣтъ-съ! Но я такъ дурно играю.

ПАТОКИНЪ. Не вѣрьте ей, все это брехня: она играетъ отлично хорошо!

НАСТЕНЬКА. Ахъ, дядинька, что вы говорите!

ПАШНЕВЪ. Я большой охотникъ до музыки. Въ Москвѣ постоянно ни одного концерта не пропускалъ. (*Допиваютъ чай, Федосья принимаетъ стаканы*).

ПАТОКИНЪ. Пожалуйста еще, что-же вы такъ мало кушали?

ПАШНЕВЪ. Благодарю васъ, я болѣе одного не пью!

ПАТОКИНЪ. Сдѣлайте одолженіе!

ПАШНЕВЪ. Не просите, увѣряю васъ не могу!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*тихо Савишнѣ*). Ну, Савишна, исполать тебѣ! Подцѣпила женишка, чудо что такое!

САВИШНА. И, матушка моя, для кого-же мнѣ хлопотать, какъ не для вашей милости!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Марья Петровна*) Какъ онъ на ваши глаза?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ничего-съ! Говорить пріятно!

САВИШНА. Онъ еще, матушка, не разошелся; известно въ первый разъ въ домъ, а дай-ка ему познакомиться, онъ такъ заговорить, что удивленіе да и только!

АННА ФЕДОРОВНА. Видно по всему, парень бравый!

ЯКОВЛЕВЪ (*Пашневу*). Ну, братъ, пора вхвать! На первый разъ много сидѣть неловво!

ПАШНЕВЪ. Поѣдемъ. (*Встаетъ*).

ПАТОКИНЪ. Куда-же вы собираетесь? Посидите.

ПАШНЕВЪ. Время-съ.

ПАТОКИНЪ. Ну, какъ вамъ будетъ угодно! Осмѣливаемся благодарить за посѣщеніе, и на будущее время покорнѣйше просимъ не отказать: будьте гостемъ.

ПАШНЕВЪ. Имѣю честь кланяться. (*Подходитъ къ руцѣ Настеньки*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Федоръ Степановичъ, возьмите свѣчу, да проводите жениха-то до пролетки! Что-жъ вы стоите? (*Патокинъ беретъ свѣчу и съ поклонами провожаетъ Пашнева и Яковлева*).

ХІ.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ПАТОКИНА, ЯКОВЛЕВА и ПАШНЕВА.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Вотъ это женихъ, такъ ужъ одно слово! Такого упустить изъ рукъ передъ Богомъ будетъ грѣхъ и отъ людей стыдно!

А. ВЛАСЬЕВЪ. За что-же вы его хвалите? Судить можно объ человекъ тогда, когда хорошо его узнаешь, а вы, такъ сказать, нѣсколько словъ съ нимъ перемолвили, такъ можно-ли ручаться! Можетъ-быть его рассказы пустяки и больше ничего-съ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ужъ ты, мой батюшка, не говори, я не ошибусь, съ разу угадаю человека. Меня провести мудрено!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенька*). Ну что, Настенька, какъ ты его находишь?

НАСТЕНЬКА. Ничего!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не отказывайся, выходи за него, по-крайней-мѣрѣ, ты избавишься отъ нашего глупаго общества, будешь жить въ столицѣ и познакомишься съ князьями и графами. Если не

пойдешь, попомни, навяжутъ тебѣ на шею такую-же дрянь, какъ и мнѣ! Потужишь, да будетъ поздно!

НАСТЬЕНКА. Что вы, я и не думаю отказываться!

А. Власьевъ (*Липкину*). Какъ хотите-сь, а тутъ есть штука со стороны Федора Степановича. Надо-бы это пронюхать-сь!

ЛАПКИНЪ. Намъ-то что за дѣло?

А. Власьевъ. Какъ-же-сь, ему барышъ, а намъ ничего! По моему, лучше никому не доставайся!

ЛАПКИНЪ. А я думалъ, что вы объ Насть хлопчете.

А. Власьевъ. Нѣтъ-сь, что мнѣ до ней! Я говорю на счетъ ея имѣнія-сь!

ХИ.

ТЪ-ЖЕ и ПАТОКИНЪ.

ПАТОКИНЪ. Ну, что-сь? какъ? а?

ЛАПКИНЪ. Ждемъ, что вы скажете.

ПАТОКИНЪ. Я скажу: помолясь Богу, зачинать дѣло. Кажется въ виду, каковъ человекъ!

А. Власьевъ. Какъ-бы намъ съ этимъ спѣхомъ послѣ не потужить-сь.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ты, батюшка, заладилъ одно и ни съ мѣотя.

А. Власьевъ. Позвольте-сь. Я говорю, надо узнать.

ПАТОКИНЪ. Да вѣдь узнавалъ-же я! Что еще надобно?

САВИШНА (*Матрени Ивановнѣ*). Матушка моя, не упустите жениха; онъ говоритъ: въ случаѣ, будутъ это дѣло тянуть, ждать не станеть, а сосватается у Зориныхъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, вотъ слышите? Моя правда выходитъ! Будемъ умствовать ни причемъ останемся пожалуй; своими глупостями лишимъ Настю счастья; а это, ужъ какъ хотите, будетъ грѣхъ страшный на нашихъ душахъ!

ПАТОКИНЪ. Известно грѣшно! Матушка Матрена Ивановна, я, съ своей стороны, согласенъ съ вами; какъ вы скажете, такъ тому и быть!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Позвольте, мы начнемъ по порядку. Ардалионъ Алексѣичъ, какъ вамъ мнѣние?

ЛАПКИНЪ. Если человекъ хорошій, дай Богъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. А вы что скажете, Василий Матвѣичъ?

В. Власьевъ. Къ примѣру сказать, я свою Машиньку отдавалъ почти не зная жениха. А они, какъ сами изволите знать, живутъ хорошо-сь. Евдокимъ Федоровичъ удался, выпелъ чело-

въкъ примѣрный. Какъ теперь помню, въ первый разъ я принималъ его въ халатъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хоть-бы ты совсѣмъ безъ халата принималъ его, это сюда, батюшка, нейдетъ!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Нѣтъ-съ, позвольте, я это рѣчь къ тому веду, что, можетъ-быть, и Настасья Васильевна также посчастливится!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*А. Власьеву*). Теперь ваша очередь?

А. ВЛАСЬЕВЪ. Я сказалъ, что надобно-съ...

ПАТОКНИЪ. По моему сужденію, лучше жениха мы не дождемся, стало быть ударить по рукамъ да и шабашъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. А вы, сестрица, какъ думаете?

АННА ФЕДОРОВНА. Парень добрый, непьющій. Съ своей стороны я согласна. Еслибы, признаться, онъ и пилъ и то-бы ничего. Мой покойникъ любилъ выпить, рѣдкій день бывало пройдетъ безъ того, чтобы онъ не пилъ. А сорокъ лѣтъ я прожила съ нимъ такъ, что дай Богъ всякому, словно голубь съ голубкой!

А. ВЛАСЬЕВЪ. А при жизни его вы, бывало, не разъ жаловались на свое житье-съ!

АННА ФЕДОРОВНА. Мало-бы, батюшка, чего не было. Безъ ссоры прожить нельзя; чай и у тебя съ женою бываютъ исторіи! Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Марья Петровна, теперь вы скажите.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ Федоръ Степанычъ изволили сказать, такъ и я-съ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Ольга Андреевнѣ*). А ты, мать моя?

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Это не мое дѣло! Какъ Настенька хочетъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, тебѣ онъ нравится? а?

НАСТЕНЬКА. Ничего, только толстъ немного!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Во всемъ угодить трудно, не по мѣркѣ-же теперь выбирать тебѣ жениховъ! Это не порокъ, что толстъ; женится, тогда, глядишь, и похудѣетъ. Что-же, ты согласна за него идти? Говори-же, Настенька, полно церемониться, здѣсь стыдиться нечего, это дѣло житейское!

НАСТЕНЬКА. Согласна!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, Слава Богу! Такъ вы всѣ принимаете предложеніе?

Всѣ (*кромя А. Власьева*). Дай Богъ! Дай Богъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Савишна, скажи Никонору Сильчу, что мы благодаримъ его за честь и принимаемъ предложеніе.

САВИШНА. Какъ-же, матушка, надо-бы задаточекъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Патокину*). У васъ небось не готовы?

ПАТОКИНЪ. Давно все приготовлено! (*Уходитъ и возвращается чрезъ нѣсколько минутъ съ подносомъ, на которомъ лежатъ два свертка*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, Настя, подноси Савишнѣ!

НАСТЕНЬКА. Тетенька, къ чему эти глупости!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Какія глупости, это такъ водится, безъ этого нельзя. (*Настенька подноситъ*).

САВИШНА (*взявъ свертки*). Покорно благодарю, матушка. Дай Богъ тебѣ счастья и здоровья!

В. ВЛАСЬЕВЪ (*подходитъ ко всѣмъ*). Съ началомъ дѣла имѣю честь поздравить, окончить желаю благополучно!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, поцѣлуй меня. Дай Богъ тебѣ жить не тужить, да насъ не забывать въ новомъ счастьѣ. Ты видишь, какъ мы заботимся о тебѣ!

ПАТОКИНЪ. Ну, жена, скомандуй шинючаго? За начало дѣла надо выпить!.. (*Подаютъ вино, всѣ пьютъ, поздравляя Настеньку*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Та-же комната.

I.

Дѣвушки шьютъ приданое, подлѣ сидятъ АННА ФЕДОРОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА и САВИШНА; напротивъ, на диванѣ НАСТЕНЬКА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА и КАТЕНЬКА, передъ ними, подбоченясь, стоитъ ПЕТРУША; въ углу-бленіи комнаты сидитъ МИТЯ.

ПЕТРУША. Что-жъ вы будете играть или нѣтъ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Вамъ сказали нѣтъ. Что вы лезете?

ПЕТРУША. И ненужно, кланяться не стану; я вижу, вамъ хочется, чтобы васъ попросили?

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не нуждаются въ вашихъ просябахъ; проѣзжайте!

ПЕТРУША (*отходя*). Народъ славный! Ломки-то, ломки сколько! Какъ-будто они чортъ знаетъ что!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Такъ ты, Настенька, говоришь: Никаноръ Силычъ и на дѣвичникъ не будетъ дѣлать подарковъ?

НАСТЕНЬКА. Нѣтъ, онъ сказалъ, что по прѣздѣ въ Москву, всѣ подарки вдругъ сдѣлаетъ.

Ольга Андреевна. Неловко! Хотя-бы, для блезпру, какими-нибудь пустяками попрезентовалъ!

Настенька. Ахъ, тетинька! Чѣмъ-же онъ подаритъ? Что можно найти порядочнаго въ нашемъ городѣ!

Петруша (*тихо подходитъ къ Катенькѣ*). Ха, ха, ха. Вы уснули?

Катенька. Нѣтъ-съ.

Петруша. А я думалъ, уснули. Вишь притуилились, ни словечка не скажете! Вы, сюда въхамши, небось, думали танцовать али играть съ кавалерами? Анъ вонъ нѣтъ, издали на палочкѣ потанцуете! Музыки не будетъ, такъ-то, сидите себѣ, да ешьте. Хотѣлъ было я потышнить, завести игру, такъ нѣтъ, сестра ваша больно ломается (*Катенька молчитъ*). Что-же вы молчите? Давайте разговаривать, авось куражнѣе будетъ. Ну, говорите! Ну, или у васъ языка нѣтъ?

Катенька. Что я вамъ буду говорить!

Петруша. Всѣ вы на одну колодку. Какъ кавалеръ подошелъ къ вамъ, такъ и говорить нечего, а съ дѣвушками то и дѣло объ насъ шушукаете!

Катенька. Нѣтъ-съ.

Петруша. Какъ-же, нѣтъ! Это по кулю видно, что четверть, я такъ и повѣрилъ. (*Громко зѣваетъ*). А нуко скажите мнѣ по правдѣ: вамъ замужъ хочется выдти? ась?

Катенька. Нѣтъ-съ!

Петруша. Ха, ха, ха! Это надуванція! Небось, какъ-бы кто посватался, сейчасъ-бы пошли!

Катенька. Ну что вы пристааете съ глупостями! Отойдите пожалуйста, я тетинькѣ пожалуюсь!

Петруша (*отходя*). Эхъ вы, недотрога!

Анна Федоровна. Что ты тамъ, мой батюшка, аль опять что накутиль?

Петруша. Ну ихъ совсѣмъ, онъ больно нѣжны, точно сахарныя, слова имъ сказать нельзя! Я теперь съ ними и знаться никогда не хочу. (*Садится подлѣ Мити*)

Анна Федоровна (*тихо Марьѣ Петровнѣ*). Посмотрю я на Петрушу, дуракъ дуракомъ, умочка ни капельки въ немъ нѣтъ!

Марья Петровна. Да-съ. А Ардалионъ Алексѣичъ собирается женить его; нечего сказать, весело будетъ жить съ такимъ мужемъ. Говорятъ, у Зорпныхъ хочеть свататься.

Савишна. Ужъ сватался, родная, да тамъ на чистаганъ отка-

зали. Перфильевна, что отъ нихъ свахою ходила, говорить, почитай мѣстахъ въ десяти сватались, и вездѣ отказъ.

Анна Федоровна. Что ты говоришь?

Савишна. Истинно не брешу. Оно, если правду сказать, на что польститься-то? Взгляни-ко, вѣдь всякій младенецъ умнѣе его! *(Говорятъ тихо между-собою).*

Петруша *(Митя).* Митя! Что ты глазами хлопаешь, какъ филлинь?

Митя. Такъ-съ.

Петруша. Ты, братъ, къ барышнямъ не подходи, онѣ ругаются.

Митя. Я и то не подойду-съ.

Петруша. Ты съ отцомъ сюда пріѣхалъ али одинъ?

Митя. Одинъ, пшкоть пришелъ-съ, а тятинька куда-то по дѣламъ поѣхали-съ.

Петруша. А ты его боишься?

Митя. Кого? Тятиньку-то? Известное дѣло, боюсь!

Петруша. А я своего не боюсь!

Митя. Какъ-же не бояться? Они прибьютъ-съ!

Настенька. Тетинька, послушайте интересный разговоръ!

Ольга Андреевна. Хочется тебѣ обращать вниманіе на эту дрянь! Послушай, Настя, ты какъ только въ Москву пріѣдешь, сейчасъ-же попроси Никанора Силыча купить карету, на пролеткахъ не ѣзди.

Настенька. У него, тетенька, полопъ сарай набить каретами да колясками; покупать ненужно будетъ!

Ольга Андреевна. Ты, я думаю, на гулянья часто будешь ѣздить?

Настенька. Разумѣется; ужъ тамъ не стану жить такъ, какъ въ этомъ проклятомъ домѣ!

Анна Федоровна. А Никанора Силыча все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ то онъ пропалъ? Настенька, что-жъ это не летитъ твой соколъ ясный?

Настенька. Я не знаю, тетинька.

Анна Федоровна. Мой покойникъ бывало прискачетъ ни свѣтъ, ни заря, и сидитъ себѣ цѣлый день!

Савишна. Пріѣдетъ, мать моя, и нашъ. Нельзя-же, чай тоже хлопочеть, свадьба-то не за горами.

Петруша. Митя, ты вино пьешь?

Митя. Нѣтъ-съ, тятинька не приказываетъ.

Петруша. А самъ-то онъ небось пьеть?

Митя. Они кушаютъ.

Петруша. И пьянъ бываетъ?

Митя. Бываетъ-съ. Ономедни ихъ привезли откуда-то, слова не могли сказать, такъ были пьяны, и маменьку прибили, за то, что онъ брызнули на нихъ водою.

Петруша. Да для чего-жъ она брызнула?

Митя. У нихъ все лицо посинѣло и глаза закрыты были.

Петруша. Вотъ то-то и есть, онъ пьеть, стало-быть и тебѣ можно. Поѣдемъ со мною, выпьемъ.

Митя. Нѣтъ-съ, я не хочу!

Петруша. Небось, со мной пойдешь, не выдамъ.

Митя. А какъ тятинька узнаеть?

Петруша. Не узнаеть. Мы такъ сдѣлаемъ, что ему въ носъ не кинется.

Митя. Нѣтъ-съ, ей-Богу боюсь, не пойду.

Анна Федоровна. Савишна, что-же ты у Никанора Сильча на новой квартирѣ была?

Савишна. Была, мать моя.

Анна Федоровна. Къ свадьбѣ-то онъ поукрасилъ ее?

Савишна. Какъ-же, всю фатеру уинблировалъ прекрасно!

Петруша. Митя, я тебѣ говорю, пойдемъ, полно ломаться; вѣдь тутъ сидѣть со скуки одурѣешь.

Марья Петровна (Савишнѣ). Мебель-то напрокатъ бралъ?

Савишна. Кто его знаетъ. Должно быть Яковъ Семенычъ гдѣ-нибудь раздобылся. Эти-то все дни онъ у него командуетъ.

Петруша (Митѣ). Говорятъ тебѣ, держись за меня, никто не узнаеть. Чего ты боишься? Словно маленькій! Эхъ ты, дуралей!

Савишна. На окнахъ занавѣски повѣсилъ, ковры разостлалъ, все какъ слѣдуетъ!

Анна Федоровна. Настенька, слышишь, какъ для тебя хлопочетъ Никаноръ Сильчъ?

Настенька. Слышу, тетинька!

Савишна. Для кого-же хлопотать, какъ не для такой красавицы.

Петруша. Митя, послѣднее слово, идешь или нѣтъ?

Митя. Я, право, не знаю.

Петруша. Пойдемъ, послѣ самъ спасибо скажешь.

Митя. Изъ гостей-то никто не увидитъ?

ПЕТРУША. Никто, не сумльвайся!

Митя. Ну, пойдѣмте-съ.

ПЕТРУША. Давно-бы такъ. Ты, братъ, будь дружныѣ со мною, я тебя дѣламъ-то повиучу. (*Проходитъ мимо Ольги Андреевны*).

Ольга Андреевна. Проваливайте мимо!

ПЕТРУША. Пройдемъ, не остановимся. Небось, мы знаемъ свое дѣло. (*Уходитъ съ Митей*).

II.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ПЕТРУШИ и МИТИ.

Настенька. Тетинька, мнѣ Никаноръ Силычъ рассказывалъ, какъ у него домъ въ Москвѣ отдѣланъ. Чудо что такое!

Ольга Андреевна. Я думаю.

Настенька. Вообразите, вездѣ шелкъ и бронза!

Анна Федоровна. У кого это, Настя, шелкъ и бронза?

Настенька. У Никанора Силыча въ московскомъ домѣ.

Савишна. Ты, мать моя, пораспроси-ко хорошенько о его богатствѣ; у него тамъ такія чудеса заведены, просто уму не постижимо.

Настенька. Каждый понедѣльникъ у него балы бываютъ?

Ольга Андреевна. Рѣшительно каждый понедѣльникъ?

Настенька. Аккуратно, ни одного не пропустить. Ахъ, тетинька, я жду не дождусь того времени, когда буду блистать на этихъ балахъ.

Анна Федоровна. Настенька, у кого, ты говоришь, балы бываютъ.

Настенька. У Никанора Силыча!

Анна Федоровна. Отчего-же и не бывать у него баловъ. Человѣкъ богатый!

Ольга Андреевна (*Настенькѣ*). Какая Анна Федоровна любопытная, вѣчно всюду встрянуть, не дастъ поговорить спокойно.

Настенька. Пойдемте ко мнѣ въ спальню.

Ольга Андреевна. Какъ-же? Глядишь, сейчасъ Никаноръ Силычъ прїѣдетъ!

Настенька. Насъ тогда позовутъ.

Ольга Андреевна. Ну, пойдѣмъ.

Анна Федоровна. Куда вы идете?

Настенька. Въ спальню. Савишна, прїѣдетъ Никаноръ Силычъ, прибѣги сказать намъ.

Савишна. Хорошо, мать моя, приду. (*Настенька, Ольга Андреевна и Катенька уходят*).

III.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ НАСТЕНЬКИ, ОЛЬГИ АНДРЕЕВНЫ И КАТЕНЬКИ.

Анна Федоровна. Пора-бы ему прѣхать, Настенька-то соскучилась безъ него. Вотъ и сестрицы Матрены Ивановны тоже нѣтъ, а общалась рано прѣхать.

Савишна. Глядишь, дѣла какія-нибудь задержали!

Анна Федоровна. Какія у ней дѣла? Откуда они?

1-я дѣвушка. Марья Петровна, платки я кончила, теперь что прикажете дѣлать?

Марья Петровна. Я, право, и сама не знаю, за что теперь взяться!

2-я дѣвушка. Паша, помоги мнѣ оборку дошить, а то я ее нынче одна не кончу.

Марья Петровна. Вѣ-самомъ-дѣль, помоги ей.

IV.

ТЪ-ЖЕ, ПЕТРУША И МИТЯ.

Петруша. Митя, не отставай, иди за мной!

Митя. Иду-съ

Петруша. Барышни ушли! Да чортъ съ ними, онъ намъ ненадобны, мы съ дѣвушками, да съ тетиньками посидимъ. Такъ что-ли, Митя? а?

Митя. Такъ точно-съ.

Петруша. Бери стулъ, садись сюда къ столу.

Митя. Зачѣмъ-же къ столу? Я вонъ тамъ въ уголокъ посижу-съ.

Петруша. Ты слушай, что я тебѣ говорю; ужь я, братъ, знаю, что надо дѣлать!

Анна Федоровна. Вы-бы, молодцы, въ залъ съ мужчинами посидѣли, послушали, что тамъ говорятъ.

Петруша. Какъ-же, очень нужно намъ чепуху слушать.

Анна Федоровна. Какую чепуху? Тамъ небось о дѣлахъ толкуютъ.

Петруша. Пускай ихъ, а мы съ Митей слушать не хотимъ, мы эту ахинею слыхивали.

Анна Федоровна. Что ты, мой батюшка, съ ума спялль! Можно-ли такъ говорить?

Петруша. Что-жъ такое, обидное слово что-ли сказалъ? Вѣдь ничего, Митя, обиднаго не сказалъ; правда?

Митя. Такъ точно-съ!

Анна Федоровна. И ты туда-же? Свяжись съ нимъ, голубчикъ, онъ тебя понаучить добру.

Петруша. Митя, скажи: мы, мошь, знаемъ, насъ не учите.

Митя. Мы знаемъ-съ, насъ не учите.

Анна Федоровна. Отець не выучилъ, гдѣ ужъ мнѣ васъ сорванцовъ учить! (*Марья Петровна*). Вотъ, мать моя, родителямъ есть на что порадоваться!

Петруша. Небось есть, ха, ха, ха!

Митя. Ха, ха, ха.

Анна Федоровна. Нечего сказать, хороши чада уродились! Каково! Къ отцу капли нѣтъ уваженія.

Петруша. А онъ-то меня уважаетъ? Онъ съ утра до ночи ругается!

Анна Федоровна. Онъ тебя вскормилъ, вспоилъ. Развѣ этого мало?

Петруша. А захотѣлъ жешиться, небось, онъ не старается удружить мнѣ, найти невѣсту; посватался домахъ въ десяти, да и на понятный дворъ. Больше, говоритъ, посылать не стану; я, говоритъ, и такъ много чрезъ тебя, дурака, сраму набрался!

Марья Петровна. Не виновать-же Ардаліонъ Алексѣичъ въ томъ, что за васъ нигдѣ не отдають

Петруша. Пускай только дядя умереть, я раздѣлаю дѣла-то по своему.

Анна Федоровна. Что-же будетъ?

Петруша. Откажетъ онъ мнѣ денегъ, найду себѣ такую жену, что всѣмъ на удивленіе!

Савишна. А если дядя тебя переживетъ?

Петруша. Куда ему! Онъ на силу дышетъ; не нынче, такъ завтра ноги протянетъ.

Анна Федоровна (*качая головою*). То-то ты глупъ, мой багюшка.

Петруша. Какъ-же, правда, такъ съ разу и угадали. Небось не глупы, мы свое дѣло знаемъ. Съ деньгами за меня отдадутъ не купчиху, а дворянку.

Анна Федоровна. Какъ не отдать, дожидайся! Нѣтъ, у купцовъ, по знакомству, тебѣ прилично отказали, а у дворянъ-то, глядишь, шею накостиляютъ такъ, что и жениться не захочешь!

Петруша. За что-же?

Анна Федоровна. За то, не суйся въ барскія хоромы, когда не по ихней мъркѣ скроешь!

Петруша. Ну, это мы посмотримъ!

V.

ТЪ-ЖЕ ЛАПКИНЪ, В. ВЛАСЬЕВЪ и ПАТОКИНЪ, озабоченный.

В. Власьевъ. Да-съ, вы совершенно справедливо изволили замѣтить на счетъ этого; какъ я соображаю, оно такъ выходитъ.

Лапкинъ. Это вѣрно. Вотъ мы недѣли двѣ тому назадъ, съ вашимъ братцемъ и Федоромъ Степановичемъ объ этомъ трактовали. (*Патокину*) Помнишь? а?

Патокинъ (*разспянно*). Какъ-же, какъ-же, помню.

Лапкинъ (*Власьеву*). Разсудите сами хорошенько, вѣдь изъ ребенка все можно сдѣлать; дамъ я ему съ измальства волю, что изъ этого выдетъ? Онъ избалуется и гроша мѣднаго не будетъ стоить! Такъ или нѣтъ?

В. Власьевъ. Справедливо-съ.

Лапкинъ. А буду я его держать въ рукахъ, онъ человекъ выдетъ, будетъ знать свое дѣло!

В. Власьевъ. Понимаю-съ.

Петруша (*тихо*). Митя, гляди, какъ мой отецъ глазомъ моргаетъ, словно онъ у него на ниткѣ привязанъ!

Митя. И то-съ, хи, хи, хи, братецъ ты мой, какъ-же смѣшно!

Лапкинъ. А вѣдь если разобрать, штука то нехитрая. Выпни, такъ сказать, въ самое дѣло, не ослабляй своей строгости, и все будетъ хорошо. Вотъ къ примѣру, про своихъ дѣтей скажу, я знаю, они побоятся баловствомъ заниматься, знаютъ, что я шутить не стану, разомъ надѣну на него мужицкій армякъ и заставлю дворъ чистить.

Анна Федоровна (*Марья Петровна*). Говорить хорошо, а поступаетъ вовсе не такъ!

Марья Петровна. Да-съ.

Лапкинъ. Я всѣмъ отцамъ совѣтоваль-бы, во-первыхъ...

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить, къ случаю пришлось...

Лапкинъ. Позвольте окончить.

Петруша. Митя, найдемъ-ко вышьемъ, что ихъ слушать, не нашего ума дѣло!

Митя. Пойдемте-съ. (*Уходитъ*).

Лапкинъ (*думая*). Во-первыхъ, я посовѣтоваль-бы...

VI.

ТЪ-ЖЕ, ПАШНЕВЪ, навеселъ, со сверткомъ въ рукахъ: за нимъ ЯКОВЛЕВЪ, пьяный.

Анна Федоровна. Насилу-то Богъ принесъ! Саввина, бѣги, скажи Настинкѣ!

Савина. Сейчасъ, матушка. (*Уходитъ*).

Пашневъ. Что-же я не вижу Настасью Васильеву? Гдѣ она?

Марья Петровна. Ее сейчасъ позовутъ-съ.

Патокинъ. Мы ужъ думали, что вы не прѣдете; ждали, ждали и ждать перестали!

Яковлевъ. У головы на нмянинахъ были; я вотъ и его познакомилъ. Ну, братъ, какое угощеніе было отлпчное, всъ перепились!

В. Власьевъ. Позвольте-съ. Вы говорите, голова нынче пмянинникъ?

Яковлевъ. Ну да, нынче. Мы прямо отъ него сюда прѣхали.

В. Власьевъ. Понимаю-съ, bravo!

Яковлевъ. Послушай, Василий Матвѣичъ, поди сюда на два слова. (*Отводитъ его всторону*). Нынче голова при всѣхъ сказалъ... Или нѣтъ, погоди, надо Федора Степаныча позвать. Федоръ Степанычъ, поди сюда!

Патокинъ. Что нужно?

Яковлевъ. Нынче голова при всѣхъ сказалъ: Яковъ Семенычъ, скоро конецъ вашей службы, мы всъ затрудняемся, кого выбрать на ваше мѣсто; въ достоинствѣ съ вами никто сравниться не можетъ; по этому все купечество при балотировкѣ усерднѣе будетъ васъ просить, снова принять на себя должность словеснаго судьи и тѣмъ сдѣлать честь всему нашему обществу. Какое?

В. Власьевъ. Это голова самъ говорилъ-съ?

Яковлевъ. Самъ. Впрочемъ, если вы не вѣрите, спросимъ у Никанора Силыча, вру я или нѣтъ. Никаноръ Силычъ, поди сюда! Расскажи имъ, что нынче голова говорилъ.

Пашневъ. Мало-ли что говорилъ, я всего не припомню!

Яковлевъ. Самое любопытное, я думаю, ты не забылъ?

Пашневъ. Ахъ, да! Вообразите, у него сѣрый жеребецъ ногу сломалъ.

Яковлевъ. Убрайся къ чорту съ жеребцами; ты говори, что онъ про меня рассказывалъ.

ПАШНЕВЪ. Про тебя? Ничего! Развѣ то, какъ ты бунтовалъ на вечеръ у какого-то купца?

ЯКОВЛЕВЪ. Не то, ей-же-ей не то; ты стало-быть забылъ?

ПАШНЕВЪ. Можетъ-быть, не спорю.

VII.

ТѢ-ЖЕ НАСТЕНЬКА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА, КАТЕНЬКА и САВИШНА; не-много спустя ПЕТРУША и МИТЯ.

ПАШНЕВЪ (*цѣлуетъ руку у Настеньки*). Наконецъ я васъ вижу! Какъ ваше драгоценное здоровье.

НАСТЕНЬКА. Слава Богу. Однако вы не держите слова: обѣщались прѣхать вскорѣ послѣ обѣда, а явились почти въ восемь часовъ!

ПАШНЕВЪ. Тысячу разъ прошу извиненія. Совершенно непредвидѣнные обстоятельства задержали меня.

ЯКОВЛЕВЪ. У головы на имянинахъ были, я его возилъ туда знакомить. Вы ужъ извините насъ пожалуйста!

ПАШНЕВЪ (*подавал Настенькѣ свертокъ*). Это позвольте вамъ вручить.

НАСТЕНЬКА. Благодарю васъ! (*Отходитъ отъ него*).

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Настенька, покажи, что такое?

НАСТЕНЬКА. Конфекты. Хотите? Катенька, бери!

КАТЕНЬКА. Пожалуйте-съ!

ПЕТРУША (*протягиваетъ руку черезъ плечо Ольги Андреевны*). Дайте и намъ съ Млятей по одной штучкѣ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Куда вы лезете? Чего не видали?

ПЕТРУША. Не видали! А сами заграбастали себѣ горсть цѣлюю.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Отойдите прочь!

ПЕТРУША. Эхъ вы жадныя! Отойдемъ, Митя!

МИТЯ. Отойдемте-съ.

ПАШНЕВЪ (*садится подлѣ Настеньки*). Настасья Васильевна, вы на меня не сердитесь, на будущее время я постараюсь быть исправнѣе.

НАСТЕНЬКА. Я не сержусь. (*Начинаютъ говорить тихо*).

ЯКОВЛЕВЪ (*Патокину*). Однако, Федоръ Степанычъ, не лѣзя-ли по водочкѣ пройтиться? Послушай, ты извини, что я такъ по просту, безъ церемоніи говорю; я, братъ, человекъ простой!

ПАТОКИНЪ. Толковаться тамъ!

ЯКОВЛЕВЪ. Пусть женихъ-то говорить съ невестой, а мы себѣ позабавимся!

Лапкинь. Известное дѣло!

Патокинъ (*Савишнъ*). Савишна, скомандуй, матушка, чтобы водку подавали! (*Савишна уходитъ*).

Марья Петровна. Что вы, Федоръ Степанычъ. Водку подавать рано!

Патокинъ. Нельзя, сами просить!

Яковлевъ. Ну, господа, вотъ и я скоро изъ словеснаго суда вонъ! Отслужилъ свое, шабашъ! Посмотримъ, кто-то займетъ мое мѣсто.

В. Власьевъ. Какъ я соображаю-сь, если вы не пойдете, Каткова выберутъ, до васъ онъ, почитай, безсмынно служилъ. Я этотъ разговоръ веду къ тому, что человекъ онъ хороній.

Пашневъ (*Настенька*). Близко то время, когда вы увидите первопрестольную столицу и взойдете въ наше прекрасное общество, котораго, я надюсь, вы будете лучшимъ украшеніемъ.

Настенька. Вы не можете себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этой минуты.

Пашневъ. Очень вѣрю. Вы по своему воспитанію выше толпы, которая окружаетъ васъ; и очень естественно, что ихъ разговоры, манеры и обычаи оскорбляютъ вашу нѣжную душу.

Настенька. Да, ваша правда! Еслибы еще немного, я умерла-бы посреди этихъ невѣждъ!

VIII.

ТѢ ЖЕ, САВИШНА съ водкой и ФЕДОСЬЯ съ закуской.

Марья Петровна. Савишна, ставь сюда!

Петруша. Э, Митя, водку-то унесли; намъ теперь, знать, и выпить не придется!

Митя. А мы вотъ что-сь. Къ Васъ пойдѣмъ, онъ раздобудется!

Петруша. И то дѣло!

Яковлевъ. Я, Марья Петровна, возлѣ васъ сяду, потолкуемъ съ вами кой о чемъ. Вы вѣдь позволите?

Марья Петровна. Покорнѣйше прошу.

Яковлевъ. Ардалионъ Алексѣичъ, Васплій Матвѣичъ, что вы тамъ примолкли? Идите сюда, засядемъ въ круговую.

Патокинъ. Напередъ покорнѣйше прошу выпить, пожелать здоровья жениху съ невестой!

Лапкинь. Вотъ что хорошо, то хорошо!

Настенька (*Пашневу*). Никаноръ Силычъ, мы въ Москву въ чемъ поѣдемъ?

ПАШНЕВЪ. Натурально въ каретъ; я больше ни въ какомъ экипажѣ не могу ѣздить.

НАСТЕНЬКА. Вы изъ Москвы сюда тоже въ каретъ прѣхали?

ПАШНЕВЪ. Да, въ прекрасной каретъ. Мы купимъ точно такую-же.

НАСТЕНЬКА. Зачѣмъ-же покупать, а ваша?

ПАШНЕВЪ. Видите-ли, я ѣхалъ сюда съ хорошимъ своимъ знакомымъ, княземъ Бутышкинымъ, такъ онъ прѣсталъ ко мнѣ: подарилъ да подарилъ. Дѣлать нечего, отдалъ; думаю, не стоитъ гнаться за такой бездѣлицей!

ОЛЬГА АНДРЕВНА. О, конечно!

НАСТЕНЬКА (*тихо Ольга Андреевна*). Тетинька, отъ Никанора Силыча сильно пахнетъ виномъ; кажется, онъ выпилъ немного.

ОЛЬГА АНДРЕВНА. Съ чего ты это вздумала? Ни капельки не замѣтно!

ПАТОКИНЪ. Ну, батюшка, Яковъ Семенычъ, что-же вы? Покорнѣйше прошу, начните съ легкой руки, покажите дорогу!

ЯКОВЛЕВЪ. Нѣтъ, сперва пускай женихъ начнетъ, а ужъ потомъ и мы схватимъ!

ЛАПКИНЪ. Дѣло!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Bravo-съ!

ЯКОВЛЕВЪ. Никаноръ Силычъ, не задерживай, начинай!

ПАШНЕВЪ. Я не хочу.

ЯКОВЛЕВЪ. Полно ломаться-то, баба ты что-ли?

ЛАПКИНЪ. Вы въ угоду всѣхъ хотя прикушайте.

ПАШНЕВЪ. Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, извольте! (*Пьетъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Давно-бы такъ. Ну, теперь мы по своему распорядимся. (*Наливаетъ и пьетъ*). Что это такое? Федоръ Степановичъ, это, батюшка, пить нельзя.

ПАТОКИНЪ. Отчего-же?

ЯКОВЛЕВЪ. Горько, словно бѣлена.

ПАТОКИНЪ. Съ этимъ ретируйтесь къ Никанору Силычу, не наше дѣло!

САВИШНА. Никаноръ Силычъ, поделастить надо, слышь, говорить: горько! (*Пашневъ цѣлуетъ Настеньку*).

ЯКОВЛЕВЪ. Теперь, какъ будто немного послаще, а все горечью отдаетъ (*Пашневъ снова цѣлуетъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Ну, будьте здоровы. (*Пьетъ*). Ухъ! такъ по душѣ пошло!

ПАТОКИНЪ. Ардаліонъ Алексѣичъ, Василій Матвѣичъ, пожалуй-

те, покорнѣе прошу! (*Лапкинь и Власьевъ пьютъ, потомъ Патокинъ*).

Яковлевъ (*Аннѣ Федоровнѣ*). Что-же это сударыня, сговоренные вечера такъ-ли проводятъ? Сидите себѣ и ни гугу! Помните-ко прежніе годы: бывало раздолье, да и только; пѣсни ни на минуту не умолкаютъ?

Анна Федоровна. Я и то вспоминала старину. Когда покойный Карпъ Карпычъ сватался за меня...

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить. Я соображаю, старые обычаи нынче понемногу стали выводиться, и не только въ этомъ, а во всемъ видишь измѣненіе!

Лапкинь. Истинная правда!

Яковлевъ. Дѣвушки, это-бы по вашей части. Ну, чего вы молчите и не повеличаете жениха съ невестой? Эхъ вы, недогадливыя! Я-бы на вашемъ мѣстѣ, чуть только женихъ въ дверь, сей-часъ затянулъ какую-нибудь!

Анна Федоровна. Оно-бы такъ и слѣдовало. Нутко, дѣвушки, повеселите гостей, спойте пѣсенку.

1-я дѣвушка. Какую прикажите?

Яковлевъ. Какую-нибудь, все равно!

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Какъ у насъ было по вечеру,
При веселой при бесѣдушкѣ,
При Настасьюшкиномъ дѣвишничкѣ,
Прилеталъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ молоденькой,
Онъ молоденькой, залетнишкой;
Онъ садился на окошечко,
На серебряну прицѣлилку,
На золотую на рѣшеточку.
Какъ увидѣла тетинька
Со высокаго терема,
Изъ окошечка косящата:
«Ты дитя-ль мое дитяtko,
Ты дитя-ль мое милое,
Настасья Васильевна,
Ты сойди съ высока терема,
Ты прими яснаго сокола,
Ясна сокола залетнаго,

Добра молодца пріѣзжаго,
Никанора, сударь, Силыча.

Яковлевъ (*говоритъ во-время пльня*). Вотъ такъ-то лучше! Валяйте, дѣвушки, сильнѣе! Ловко! Молодцы! Ну, а мы покуда выпьемъ. Никаноръ Силычъ, иди сюда, выпей съ нами!

Пашневъ. Я готовъ! (*Вслъ пьютъ*).

Пашневъ (*подходитъ къ Настенькѣ*). Вамъ нравится обычай на свадьбѣ пѣть пѣсни?

Настенька. Ахъ, это гадко!

Пашневъ. Я съ вами согласенъ. Благодаря просвѣщенію, онъ почти вышелъ изъ употребленія, и если держится, то въ самыхъ захолустьяхъ, между простымъ народомъ. Надѣюсь, въ Москвѣ, у моихъ знакомыхъ, вы не встрѣтите этого мужицкаго удовольствія.

Ольга Андреевна. Навѣрно князья и графы не позволяютъ въ своемъ домѣ этого безчинства. (*Дѣвушки перестаютъ пѣть*).

Яковлевъ. Вотъ такъ дѣвушки! Ай да мастерицы! Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ всѣхъ перецѣлюю.

2-я дѣвушка. Помилуйте, какъ можно!

Яковлевъ. Безъ разговоровъ, не хочешь честью, силой поцѣлюю! (*Цѣлуется*).

В. Власьевъ. Хе, хе, хе, шутникъ этотъ Яковъ Семенычъ!

Яковлевъ. Вы, матушка Марья Петровна, извините меня, я человекъ простой, по модному кургузить не люблю; по нашему: веселиться, такъ веселиться.

Марья Петровна. Помилуйте-съ, мы очень рады!

Яковлевъ. Вы на меня не сердитесь? Позвольте вашу ручку поцѣловать. Анна Ѳедоровна, а съ вами я еще не пилъ; нуте-ка, матушка, давайте по рюмочкѣ выпьемъ.

Анна Ѳедоровна. Изволь, батюшка, съ удовольствіемъ.

Яковлевъ. Никаноръ Силычъ, ты заговорился съ невестой а про насъ и забылъ! Иди, выпей.

Пашневъ. Могу!

Патонинъ (*тихо Савишнѣ*). Савишна, придержи его, вишь онъ ужъ безъ отказа валяетъ. Нехорошо!

Савешна (*подходитъ къ Пашневу*). Что ты, мой отецъ, дѣлаешь? Посмотри на себя, ты ужъ какъ ракъ красный. Право слово, сръжешь ты съ меня голову!

Пашневъ. Не твоѣ дѣло!

Савешна. Ну, прилпчно-ли жепиху при невестѣ то и дѣло при-

кладываться къ рюмкѣ? Оставь, не пей, ты вспомни, какой ты золото пьяный: какъ накушался, такъ и пошелъ буяннить.

Пашневъ. Убирайся къ чорту! (*Подходитъ и пьетъ*).

Яковлевъ. Сговоренные вечера надо проводить весело, а что бы весело проводить, надо пить. Мы вѣдь не дѣти! Хотя жена ругается, да ничего, Богъ съ ней, пускай ругается.

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить...

Яковлевъ (*продолжая*). А я ее люблю и уважаю, она отличная женщина. Я каждый день благодарю Бога за то, что онъ послалъ мнѣ такую жену; это кладъ для меня, пошли ей Господи здоровье. Анна Федоровна, правду я говорю?

Анна Федоровна. Правда, батюшка, правда.

В. Власьевъ. Совершенно справедливо изволли замѣтить. Позвольте, къ случаю пришлось...

Яковлевъ. Василий Матвѣичъ, поцѣлуемся съ тобой, ты, братъ, знаешь, какой я человекъ?

В. Власьевъ. Съ моимъ удовольствіемъ-съ.

Яковлевъ. Дѣвушки, красавицы, уважьте, пропойте еще пѣсенку! Только вотъ что, поплачевнѣе какую нибудь; до смерти люблю плачевныя пѣсни!

1-я дѣвушка. Извольте-съ.

Яковлевъ. Ну, а мы куда вышьемъ.

Пашневъ (*подходитъ*). И я съ вами (*пьютъ*).

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Много, много у сыра дуба
Много вѣтвей, много павѣтей,
Много листу зеленаго;
Только нѣту у сыра дуба,
Золотой вершинушки,
А теперь было-бъ надобно
Къ этому случаю,
Къ этому времени,
Что къ лѣту прекрасному.
Много, много у Настасьюшки,
Много роду, племени,
Много каретъ на дворѣ,
Много гостей въ терему;
Только нѣту у Васильевны
Что родямаго батюшки;
А теперь его надобно

Къ этому времени,
Къ этому случаю,
Что ко златому вѣнцу.
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.
Снарядить родная тетушка,
Благословить-же чужой батюшка.

Яковлевъ (*подгорюнясь, плачетъ*). Хорошо, право слово хорошо. Такъ за сердце п хватаетъ!

Пашневъ (*замѣтно опьянѣвшій*). Настасья Васильевна, вы по-французски говорите?

Настенька. Говорю.

Пашневъ. То-то. Въ нашемъ обществѣ всегда говорятъ по-французски. (*Смотритъ на Ольгу Андреевну*). Ольга Андреевна!

Ольга Андреевна. Что вамъ угодно?

Пашневъ. Вы милы, прекрасны. Исполните мою просьбу!

Ольга Андреевна. Какую?

Пашневъ. Я вамъ передамъ ее по секрету. (*Говоритъ тихо*).

Ладкинъ (*Яковлеву*). Яковъ Семенычъ, чего вы плачете?

Яковлевъ. Не плакать нельзя. Вы меня извините, если я плачу, то знаю о чемъ.

Патокинъ. Да полно вамъ!

Яковлевъ. Федоръ Степанычъ, ты не обижайся на меня, вѣдь я это отъ души дѣлаю, безъ всякихъ хитростей! Ну, пьянъ, такъ пьянъ, что-жъ такое!

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить...

Яковлевъ. Перебивайте, Богъ съ вами!

В. Власьевъ. Къ слову пришлось. У меня былъ знакомый, нѣкто, Федотъ Кузьмичъ Тележкинъ, такъ бывало когда выпьетъ, сейчасъ-же начинаетъ плакать, разливается рѣка рѣкой. Я этотъ разговоръ веду къ тому, что, значить, у него была такая слабая натура.

Ладкинъ. Извѣстно, натуры разныя бываютъ!

Яковлевъ. Эхъ, ма, подумаешь, жизнь-то наша какая! Вотъ я теперь живу, служу въ словесномъ судѣ, у всѣхъ на виду, а придетъ время умру, ей-же ей умру. Ну, какъ тутъ не плакать?

Патокинъ. Что-жъ дѣлать. Значить, всѣ мы люди, всѣ чедовѣки!

Яковлевъ. Оно такъ. Господа, извините меня, не обижайтесь, давайте еще по рюмочкѣ выпьемъ!

Пашневъ (*который разговариваетъ въ это время съ Ольгою Андреевной*). Можно, я съ удовольствіемъ выпью!

Патокинъ. Савишна!

Савишна (*подходитъ къ Патокину*). Батюшка!

Пашневъ. Я тебѣ сказалъ, убирайся къ чорту! (*Пьютъ*).

Ольга Андреевна. Теперь я вижу, что онъ пьянъ!

Настенька. Какъ это скверно. А говорилъ, что ничего не пьеть.

Ольга Андреевна. По моему совсѣмъ не скверно; онъ мужчина, ему можно пить!

Настенька. Тетинька, что онъ съ вами говорилъ?

Ольга Андреевна. Такъ, мой другъ, пустяки, не стоитъ вниманія.

Настенька. Однако?

Пашневъ (*подходитъ къ нимъ*). Что это нѣтъ вашей тетушки, той, которая трещитъ безъ умолку, какъ сорока? Личность занимательная! Оно, если правду сказать, и всѣхъ вашихъ родственниковъ можно хотъ сейчасъ въ кунсткамеру.

Ольга Андреевна. Ахъ, какіе вы насмѣшники!

Пашневъ. (*Настенькѣ*). Если ваша роденька вздумаетъ когда-нибудь провѣдать насъ въ Москвѣ, велю безъ церемоніи сейчасъ въ шею вытолкать; я въ свой домъ подобную дрянъ пускать не намѣренъ.

Савишна. Опомнись, отецъ мой, услышать тебя, бѣда будетъ!

Пашневъ. Савишна, если ты будешь ко мнѣ лезть съ своими нравоученіями, я тебѣ морду побью.

Савишна. Можно-ли такія рѣчи говорить!

Пашневъ. Я имъ въ глаза скажу, что они сволочь! Хочешь? Сейчасъ пойду!

Савишна (*ухватясь за него*). Батюшка, успокойся!

Лапкинъ. Ну, дѣвушки, молодыхъ вы обыгрывали, а про старыхъ забыли. Ну-ко, начните съ Якова Семеновича.

Яковлевъ. Начните! Я цынче въ судъ не ходилъ. Василий Матвѣичъ, каково! голова цѣловаль. Говорить, во всемъ мірѣ нѣтъ такого судьи, какъ я! Вы, пожалуста, не обижайтесь.

В. Власевъ. Какъ я соображаю...

Яковлевъ. Ну, поцѣлуемся!

Петруша (*ухаживаетъ около дѣвушекъ*). Что Митя, каковы штуки?

Митя. Отличныя-съ.

Петруша. То-то. Дѣвушки, какія вы хорошенькія!

1-я дѣвушка. Съ нѣжностями отчались прочь.

Петруша. Отчего-же? Съ такими молодцами, какъ мы, можно познакомиться!

Митя. Удостоите-съ.

Лапкинь (Петрушѣ). Ты что тутъ ухаживаешь? Пошелъ прочь.

Митя. Пойдемъ лучше къ Васѣ.

Петруша. Пойдемъ! Ну ихъ! (*Уходитъ съ Митей*).

Хоръ дѣвушекъ.

Какъ у чарочки

У серебряной,

Золотой на ней вѣнчикъ. 2.

У Якова, господина,

У Семёновича;

Золотой разумъ обычай. 2.

Гдѣ ни пьеть, ни гуляетъ,

Гдѣ ни кушаетъ, сударикъ,

Долой идетъ почевата. 2.

XI.

ТѢЖЕ, МАТРЕНА ИВАНОВНА и А. ВЛАСЬЕВЪ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Дѣвушки, замолчите, ступайте отсюда вонъ.

САВЕШНА (тихо). Матрена Ивановна прикатила! Пропали наши головушки. Генеръ, того гляди, исторія выдетъ!

ПАТОКИНЪ. Матушка Матрена Ивановна, пожалуйста, милости просимъ. Все-ли себя здоровы?

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Съ тобой, отецъ мой, послѣ поздороваемся, а теперъ дай-ко мнѣ поговорить съ милліоннымъ женихомъ. Гдѣ онъ?

ПАШЕВЪ. Я здѣсь! Кто меня спрашиваетъ? А! тетушка! Наконецъ ваша особа явилась, а мы уже скучать начали, не слыша ванего звонкаго голоса!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хорошъ, отецъ мой, одно слово хорошъ! Вотъ насвистался, хошь выжмп. Нечего сказать, похожъ на жениха. Собирайся, батюшка, вонъ отсюда!

ПАШЕВЪ. Что?.. Однако, любезная тетушка, дерзости въ сторону, я ихъ не терплю.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Во-первыхъ, я тебѣ не тетушка; ищи себя

въ родню такихъ-же шеромыгъ, какъ и ты; а во-вторыхъ, сей-часъ отойди прочь отъ Насти, ты ей не женихъ.

Патокинъ. Матрена Ивановна, что вы?

Настенька. Тетинька!

Матрена Ивановна (Пашневу). Ты думаешь, пріѣхалъ сюда, наговорилъ съ три короба, такъ тебѣ и повѣрили? Анъ вонъ нѣтъ. Узнали, батюшка, что ты за птица.

Пашневъ. Узнали? Хорошо! Послушаемъ, что вы узнали. Это любопытно.

Матрена Ивановна. Врать-то ты куда какой мастеръ; на словахъ съ князьями и графами знакомъ, а на дѣлѣ вышелъ плутъ, мошенникъ и больше ничего.

Пашневъ. Я плутъ? Смотри, баба, какъ-бы я за такія слова не коснулся до твоей личности.

Патокинъ. Я не соображу никакъ...

Матрена Ивановна. Молчи, молчи, съ тобой я послѣ потолкую! Сначала говорила, надо узнать про этого сокола. Нѣтъ, куда! всѣ глаза закидали! Настенька, ангелъ мой, одна только я забочусь о твоемъ счастіи. Могла-ли я отдать тебя за этого оборвыша. Хотя родственники и утверждали, что онъ хорошъ и богатъ, однако я не повѣрила и написала въ Москву; присада, правда, не я, а Антонъ Матвѣичъ, да все-равно. Получаю сегодня письмо, и что-же узнаю!

Пашневъ. Особеннаго, я думаю, ты ничего не узнала!

Матрена Ивановна. Этотъ молодецъ. не только съ графами и князьями незнакомъ, да даже въ передней у нихъ не бывалъ. Милліоны тоже существуютъ въ его глупой башкѣ, а на дѣлѣ копейки за душой нѣтъ. Была какая-то лавченка, да и ту за долги описали; а самъ онъ не для женитьбы увхалъ изъ Москвы, а бѣжалъ отъ ямы, въ которую добирались его мошенника засадить.

Настенька. Ахъ, Боже мой!

Патокинъ (всторону). Гмъ! дѣло скверно! (*Матренин Ивановна*). Позвольте, матушка Матрена Ивановна, не сплетки-ли это?

Матрена Ивановна (подавая письмо). На, читай, да радуйся!

Пашневъ. Старуха! Это тебя удивляетъ!

Матрена Ивановна. Ну, рассказывать нечего, убирайся по добру по здорову во свояси!

Пашневъ. О невѣжество, тебя сейчасъ видно! Что за выраженія, что за манеры, страшно глядѣть!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ты слишкомъ въжливъ; видно съ въжливости мѣтилъ па чужія деньги, желалъ къ рукамъ прибрать! Жаль, что не пришлось! Ты теперь не думай. Настю тебѣ, какъ ушей не видать!

ПАШНЕВЪ. Что ты разносилась съ своей Настей? Эко диво! За меня и получше отдадутъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Пускай отдають, только я Настю ни за что не отдамъ.

ПАШНЕВЪ. Спросила-бы сперва, возьму-ли я!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Знаемъ, знаемъ. Однако прощай, вотъ тебѣ двери! Ищи себѣ подъ пару такихъ-же миллионерокъ, какъ самъ!

ПАШНЕВЪ. Очень радъ, что избавляюсь отъ такихъ мужиковъ; благопріятный случай спасаетъ меня отъ капризной жены и необразованныхъ родственниковъ. Яша, вставай, поѣдемъ.

ЯКОВЛЕВЪ.

Гдѣ ни кушаетъ, сударикъ,
Домой идетъ почевати..

ПАШНЕВЪ. Полно, поѣдемъ!

ЯКОВЛЕВЪ. Убирайся къ чорту, не поѣду!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Вотъ срамъ, вотъ срамъ! Что теперь про насъ люди скажутъ!

ПАТОКИНЪ (*тихо*). Все это, какъ я вижу, негодяй Антошка нагадилъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Пашневу*). Ретируйся-же, отецъ мой, что остановился!

ПАШНЕВЪ. Старуха, отъ души желаю тебѣ провалиться! (*Уходитъ*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Себѣ обреки курицынъ сынъ.

X.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ ПАШНЕВА.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну-съ, что вы теперь скажете?

А. ВЛАСЬЕВЪ. Ненадобно было спѣшить. Не хотѣли меня слушаться; вотъ и надѣлали дѣла!

ПАТОКИНЪ. Кто-жъ про это зналъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Всему злу корень ты, батюшка. Тебѣ говорили, не тарантить, а обдѣлать все съ толкомъ, хорошенько.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте вашу рѣчь перебить. Какъ я припоминаю, вы первая изъявили свое согласіе...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Чья-бы корова мычала, а твоя-бы помолчала. Твое дѣло, отецъ мой, анекдоты, да исторіи рассказывать,

на это ты гораздъ, а коснись до чего-нибудь нужнаго, ты выѣденнаго яйца не стоишь.

А. Власъевъ. Виноваты въ этомъ дѣлѣ, какъ вотъ Матрена Ивановна изволить говорить, одни Федоръ Степановичъ!

Патокинъ. А чѣмъ-бы я виновать по вашему?

Матрена Ивановна. Не прихеривайся, знаемъ твои штуки! Ты хотѣлъ попользоваться около Настина имѣнія; для этого прінискалъ какого-то лантрыгу, чтобы ему, какъ безпутному человѣку, легче было спихнуть кой-какъ опеку!

Патокинъ. Это я вижу, вамъ Антонъ Матвѣичъ натолковалъ, только вреть онъ, право слово, вреть; эти подлости съ его стороны говорятся изъ зависти, что не онъ опекунъ надъ Настей.

А. Власъевъ. Помшуйте-съ, какая-же тутъ зависть, чему завидовать!

Матрена Ивановна (Патокину). Ты, батюшка, не думай, я этого дѣла такъ не оставлю, жаловаться буду, прошеніе подамъ, все дѣла твои пропишу. Отольются волку овечьи слезки! Ужъ тебѣ опекуномъ не бывать!..

Патокинъ. Матушка, Матрена Ивановна...

Матрена Ивановна. Полно рассказывать! Я только вспомню, какую ты штуку хотѣлъ сыграть съ Настей, такъ меня всю въ жаръ и кинеть! (*Подходитъ къ Настенькѣ*). Настенька, другъ мой, сирота ты моя горькая! погубили было тебя злодѣи-родственники, хотѣли изъ проклятой корысти заставить плакаться всю жизнь! И заступиться-то за тебя безсловесную некому! Въдь вотъ и свои, а мошенники да грабители. (*Плачетъ съ Настей*).

Ладкинъ. Эхъ, Матрена Ивановна, обижаете вы понапрасну. А вспомните-ко хорошенько, не вы-ли говорили, что въ Москву писать ненадобно, можно, дескать, и тутъ узнать!

Матрена Ивановна. Разумъется, за мое усердіе я-же стала виновата. Вамъ досадно, что я помышала обокрасть ребенка! Злодѣи, а еще сами отцы! Вы-бы своимъ дочерямъ приготовили такое счастье! Что жалко? Это чужая, до этой дѣла нѣтъ! А каково-бы ей, моей голубушкѣ, пришлось переносить за ваше мошенничество?..

Патокинъ. Но позвольте! Вы сами соглашались отдать Настю за этого жениха.

Матрена Ивановна. Я соглашалась потому, что полагалась на твои слова, думала, что ты, какъ честный человѣкъ, позабо-

тишься о счастья своей племянницы; а ты, какъ видно, хлопоталъ только о себѣ.

ПАТОКИНЪ. Чѣмъ-же я виновать? Если я тогда что-нибудь и говорилъ, то говорилъ не свои рвчи, а чужія, какъ и доклады-валъ всей честной компаніи. Вотъ Яковъ Семенычъ тутъ на лицо, спросите у него сами, онъ мнѣ его расхваливалъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Гдѣ онъ! гдѣ онъ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенька*). Настенька, перестань, мой другъ, успокойся!

НАСТЕНЬКА. Ахъ, тетенька, какъ-же мнѣ быть? Опять придется въ двушкахъ сидѣть!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не тужи, не засидишься, ты невеста богатая, посмотри, не успеешь опомниться, какъ женихи со всѣхъ сторонъ налетятъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*подходя къ Яковлеву*). Ну что мы отъ него узнаемъ? Онъ не въ силахъ языка перевернуть!

ПАТОКИНЪ. Яковъ Семенычъ.

ЯКОВЛЕВЪ. Ну! А ужъ на свадьбѣ мы погуляемъ! Это что за гулянье!

ПАТОКИНЪ. Вы Никанора Силыча знаете?

ЯКОВЛЕВЪ. Я его нынче къ головѣ знакомить возилъ, а голова при всѣхъ сказалъ...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Слушай дубрава, что лѣсъ говорить. Несетъ какую-то околесную!

А. ВЛАСЬЕВЪ (*Яковлеву*). Вы съ Пашневымъ гдѣ изволили познакомиться?

ЯКОВЛЕВЪ. Въ судѣ. Я служу словеснымъ судьею, а его привели судить: за квартиру денегъ не платитъ; вотъ я тутъ съ нимъ и познакомился, и денегъ ему давалъ въ займы.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Слышишь, батюшка, а ты намъ совсѣмъ другое говорилъ!

ПАТОКИНЪ (*Яковлеву*). Зачѣмъ-же вы хвалили его, не зная?

ЯКОВЛЕВЪ. Не зная? Врешь, я его знаю, онъ отличный человекъ. Ужъ если покутить, такъ одно слово, всѣхъ перепьетъ! Рѣдкій человекъ. Гдѣ онъ, мы съ нимъ поцѣлуемся.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Это плутни, я не обманусь! Ты за знатье этому шаромыгъ отдавалъ Настю!

ПАТОКИНЪ. Да вы разсудите хорошенько!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Что ты меня морочишь! Я не маленькая, розказнямъ твоимъ не повѣрю!

А. Власьевъ. Дурно-съ, очень дурно!

Патокинъ. Вы-то ужъ молчите! Матрена Ивановна...

Матрена Ивановна. И говорить съ тобой не хочу, и слушать тебя не хочу! Знатся съ тобой не буду, нога моя къ тебѣ за порогъ не переступить! Буду умирать, изъ духовной исключу! Если ты умрешь, дѣтямъ твоимъ ни копейки не откажу. А объ Настѣ не думай и не гадай, тебѣ надъ ней опекуномъ не бывать! Завтра-же просьбу бухну, начальство насъ разсудитъ.

Патокинъ. Да вы выслушайте меня.

Матрена Ивановна. Куда это сваха прекрасная дѣвалась? Съ ней еще надо поговорить, какъ она, гадкая, смѣла такую дрянъ сватать!

В. Власьевъ. Здѣсь ее нѣтъ, а какъ я соображаю, она въ тѣхъ комнатахъ.

Матрена Ивановна. Найду, вездѣ найду! Ужъ я ей отпою! *(Уходитъ въ боковую дверь, А. Власьевъ за нею).*

Патокинъ. Матушка, Матрена Ивановна, позвольте одно слово... *(Уходитъ).*

Анна Федоровна. Ну, исторія! Сколько лѣтъ на свѣтъ живу, а такихъ чудесъ не видала!

Марья Петровна. Да-съ! *(Уходитъ).*

В. Власьевъ *(Лапкину).* Смѣю вамъ доложить, припоминаю я нечто подобное случилось съ однимъ моимъ знакомымъ... *(Уходитъ съ Лапкинымъ).*

Ольга Андреевна. Пойду и я посмотрю, что тамъ будетъ! Настенька, полно-же, мой другъ, плакать, вѣдь это нехорошо! *(Уходитъ Катенька за нею).*

ХІ.

НАСТЕНЬКА плачетъ и ЯКОВЛЕВЪ спитъ.

Настенька. Боже мой, уродилась-же я такой несчастной на бѣлый свѣтъ! Думала, вотъ выйду за мужъ, избавлюсь отъ этого общества и успокоюсь отъ мученья, — не тутъ-то было; опять приходится страдать ежечасно! Скоро-ли теперь найдутся женихи! Знать придется умереть, не бывши за мужемъ. *(Плачетъ).* Боже мой! Боже мой!

ХІІ.

ТЪ-ЖЕ и ВАСЯ.

Вася. Теперь, значтъ, кажись можно. Московскому-ту франту затылокъ зачистили. Авось теперь мое дѣло выгорить.

НАСТЕНЬКА (*не видя Васю*). А я мечтала жить съ князьями, да графами, а теперь что будетъ? Вспомнить страшно!

ВАСЯ. Вы-съ, Настасья Васильевна, за московскими не гонитесь, обдуютъ-съ, въ одинъ моментъ-съ обдуютъ; ужъ я, значить, ихъ знаю-съ!

НАСТЕНЬКА. Вы съ своими глупостями опять явились?

ВАСЯ. Какія-же глупости-съ? Я настоящее дѣло говорю-съ. Вы плюньте, значить, на московскихъ. Что въ нихъ хорошаго? Только голова окоченная, да штаны, значить, на улицу, а коснись до любви, они, даромъ что шлифованные, лантя, значить, мужицкаго не стоятъ. (*Говоритъ тихо*). Настасья Васильевна, испробуйте, возьмите меня, вѣрьте истинъ, не парветесь; эта статья, значить, не та будетъ, тутъ ужъ безъ ошибки.

НАСТЕНЬКА. Убирайтесь пожалуста, мнѣ безъ васъ тошно.

ВАСЯ (*нѣжно*). Отчего-же, значить, тошно-съ? Вы скажите ласковое слово, да взгляните поумильнѣе, какъ разъ, значить, куражу прибавится.

НАСТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! и все это я должна череносить!

ВАСЯ (*на колѣняхъ*). Еслибы вы знали, каковъ я, значить, есть; то есть, что я за человекъ, вы-бы тогда оцѣнили меня, не стали-бы гнать прочь.

НАСТЕНЬКА (*могуче*).

ВАСЯ. Ангелъ мой безцѣнный, значить, не убивайте меня! Въдъ я, право слово, пропаду съ тоски. Удостойте, благодѣтельствуйте своею ручкой, значить, поколь умру, пребуду къ вамъ вѣренъ. (*Беретъ ее за руку*).

НАСТЕНЬКА. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! (*Даетъ ему пощечину и уходитъ*).

ВАСЯ. Чего-съ? Ловко!.. Благодаримъ, что, значить, не сбѣли. (*Встаетъ*). Какъ видно, въ чистую отказываетъ. (*Задумывается*). Баста! Значитъ, я ей по своей части не нравлюсь!